

АНАЛИЗ XXI Съезда КПСС

**Изд-во СБОНРа
(Союз Борьбы за Освобождение Народов России)**

**Мюнхен
1959**

АНАЛИЗ XXI Съезда КПСС

**Изд-во СБОНРа
(Союз Борьбы за Освобождение Народов России)**

**М ю н х е н
1959**

ЗНАЧЕНИЕ XXI СЪЕЗДА КПСС

Коммунистическая агрессия в полном смысле слова является ровесницей и постоянной спутницей коммунистического строя. С первого дня его существования началась борьба за мировое господство, достичь которого коммунисты стремились и стремятся любой ценой и с применением любых средств. Однако на первых порах в кремлевском арсенале этих средств было немного. Пропаганда, подрывная работа и вербовка податливых — это все, что мог проводить коммунистический штаб. Но на первом месте были агитация и пропаганда — мертвое слово без живых дел.

Позднее в число средств была включена военная машина. По сталинскому почину коммунисты принялись культивировать миф о военной мощи Советского Союза. Угрожающее бряцание оружием неразрывно связывалось с развитием советской техники, якобы обеспечивающей превосходство СССР на суше, на море и в воздухе. Такой вид агрессии особенно усилился после того, как в области советской военной техники определились некоторые несомненные достижения — «красный призрак коммунизма» стал бродить с атомной бомбой.

Наконец, в самое последнее время, когда после напряженной борьбы на партийных верхах неожиданно установилась формально единоличная диктатура Хрущева, — вместе с реставрацией фактических сталинских, но будто бы новых политических принципов, была выдвинута иная форма агрессии. При сохранении последней на прежних участках, она перенесена на новый, ставший отныне центральным. На вооружение коммунизма взята экономика, мощь которой должна быть обусловлена тем же техническим прогрессом.

Хотя оформление нового этапа коммунистической агрессии произошло еще в прошлом году, но официальным и парадным переходом к нему явился внеочередной XXI съезд КПСС. Именно в этом и заключается политическая суть данного события, посвященного лишь одному хозяйственному вопросу — принятию семилетнего плана. Кстати сказать, даже указанный срок определен с известным расчетом: он должен свидетельствовать о новом планировании, отличном от сталинских пятилеток.

В предлагаемой брошюре последний съезд КПСС в таком

виде и представлен, а решения его даны в разных аспектах, определяющих в совокупности общее состояние страны на предстоящий период осуществления хрущевского плана.

В статье А. Авторханова отражен политический курс, принятый съездом и рассчитанный на внутренний взрыв свободного мира. Характерной особенностью его, подчеркнутой автором, является стремление только ради политики поднять жизненный стандарт в стране.

В статье И. Барица «XXI съезд КПСС и военная стратегия Кремля» показана другая особенность семилетнего плана — приоритет военной промышленности, что подтверждает давно существующее в «миролюбивом» Советском Союзе положение: «экономика, политика и стратегия находятся в неразрывном единстве».

Анализ, сделанный в статье К. Крылова, вскрывает уязвимые места советской экономики вообще и, в первую очередь, принятого семилетнего плана. Каждое исходное положение в отношении дальнейшего развития ключевых отраслей хозяйства имеет в СССР свою ахиллесову пятую. По мнению автора, единственным шансом для хотя бы частичного осуществления плана является испытанное советское средство — принуждение:

«Здесь они сильны, ибо ни одна страна в мире не может за счет народа и во вред народу бросать такие силы и средства на подготовку войны».

Об этом же говорит в своей статье «Народ и семилетний план» Ю. Терновский, заменив язык цифр литературной документацией, выдержками из произведений советских писателей, которые произвольно отражают в своих романах, повестях, рассказах мрачную советскую действительность. Напомним только заключительные строки:

«Скорее можно вообразить, что в результате семилетки в небо будут вылетать стаями советские «спутники» и космические ракеты; скорее можно представить себе, что у каждого колхоза будет свое море, чем представить, что наконец-то советский гражданин дождется, казалось бы, совсем простого по сравнению с техническими «чудесами» изобилия товаров и продуктов».

Сделанный вывод определяет сущность съезда и сущность хрущевского плана: внешне измененный политический курс и новую форму агрессии намечено осуществить путем максимального принуждения, путем усиленной эксплуатации закрепощенного народа.

Арк. Гаев

ПОЛИТИКА НА XXI СЪЕЗДЕ КПСС

XXI съезд КПСС (с 27 января по 5 февраля 1959 г.) был созван как внеочередной съезд, чтобы огласить и утвердить контрольные цифры семилетнего плана развития народного хозяйства СССР. Однако главное значение съезда надо видеть все-таки в области политической. Семилетка была официальной «легендой», формальным поводом. Съезд был созван по причинам более глубоким, чем заботы Хрущева об экономике страны. Сама экономика СССР рассматривалась, как и на предыдущих съездах, лишь как функция партийной политики («Политика есть конденсированное выражение экономики», — говорил Ленин). XXI съезд открывает новую главу в летописи коммунистического режима. Какая будет эта глава, еще точно не определилось. Видны только ее контуры в самых общих и грубых чертах. Рассмотрим эти контуры в свете анализа политических итогов XXI съезда.

Сталинцы похожи на тех знаменитых бурбонов, которые ничего не забыли, но и ничему не научились. «Кульť личности», так жестоко раскритикованный Хрущевым на XX съезде, присутствовал на XXI съезде, как самый высокий и почетный гость, но на этот раз уже как «кульť Хрущева». Нужно быть очень низкого мнения о своей собственной партии, чтобы так демонстративно и так бесцеремонно менять кульť покойного учителя на свой собственный, как это сделал Хрущев на XXI съезде. Этот съезд служил Хрущеву для показа и утверждения своего величия в таких масштабах и формах, которые невольно заставляют думать о «скромности» Сталина. В самом деле, если сравнить количество аплодисментов, которые получал Сталин, скажем, на XVIII съезде (1939 г.) — на съезде апогея «кульťа личности» — с тем количеством, которое получил Хрущев на XXI съезде, то Сталин как «кульť» не годится Хрущеву и в подметки. Сталину на XVIII съезде аплодировали только 13 раз, а Хрущеву во время доклада 90 раз и во время заключительного слова 54 раза, итого — 144 раза. Но этого мало. Все атрибуты «кульťа личности», известные нам из истории сталинского культа, прямо перенесены на личность Хрущева: «по личному указанию т. Хрущева, по личной инициативе т. Хрущева, выдающийся вклад т. Хрущева в теорию марксизма...», «дальней-

шее развитие марксизма-ленинизма Хрущевым», — вот термины, которыми говорили о Хрущеве на съезде. Чтобы поднять хрущевский культ до уровня сталинского не хватает всего нескольких прилагательных: «родной», «великий», «гениальный»! Но аппетит приходит во время еды. Может дойдут и до этого.

Немного иначе оформлен протокол в отношении других «культов» из Президиума ЦК. Если сам Хрущев при окончании своего доклада получает «бурные аплодисменты, переходящие в овацию — все встают», то члены Президиума ЦК должны довольствоваться одним общим стандартом для всех — «бурные продолжительные аплодисменты», совершенно независимо от «количества и качества» речи оратора. Для кандидатов в члены Президиума ЦК положены, как правило, лишь аплодисменты. Таким образом, партийный протоколист хочет сказать, что, кроме Хрущева, все другие члены Президиума ЦК равны между собою. Однако среди равных есть и такие, которые являются «более равными». Не желая этого, партийный протоколист все-таки выдал в другом месте и тайну о «более равных». Это случилось в двух, с точки зрения протокола весьма важных случаях — в отношении очереди председательствования на съезде и по тому, сколько раз аплодировали оратору во время его речи.

На первом «историческом заседании» съезда, на котором докладывал Хрущев, должно было председательствовать второе после Хрущева лицо в партии. Кто им оказался: догматик Сулов, технократ Козлов, хитроумный Микола? Протокол дал ясный и недвусмысленный ответ: Кириченко. За сим идут в порядке «культа»: Сулов, Аристов, Брежнев, Игнатов. Таким образом, вторым секретарем ЦК, т. е. «крон-принцем» является бывший наместник Хрущева на Украине — Кириченко. Из всех членов Президиума ЦК только два старых сталинца не были удостоены чести занимать председательское кресло: Шверник и Ворошилов. Ворошилов, который участвовал на всех съездах партий, начиная с 1906 г., и председательствовал на последних шести ее съездах, был на этом съезде в явной опале. Ворошилов был и единственным из членов Президиума ЦК, который не выступал в прениях. В этом случае нужно было бы осуждать «антипартийную группу» Молотова, чего Ворошилов не мог бы сделать, ибо, по всей вероятности, сам принадлежал к ней.

В отношении количества аплодисментов на протяжении речи протоколист ЦК установил следующую «градацию» для членов Секретариата ЦК (все члены Секретариата, кроме Поспе-

лова, являются и членами Президиума ЦК). Получили аплодисменты:

Кириченко	— 11 раз
Аристов	— 8 раз
Куусинен, Пospelов	— 7 раз
Суслов	— 6 раз
Игнатов, Мухитдинов	— 5 раз
Брежнев	— 3 раза
Фурцева	— 1 раз

Из нечленов Секретариата ЦК больше всех успех имели новые выдвиженцы Хрущева: секретарь Ленинградского Обкома Спиридонов, секретарь Московского Горкома Устахов, секретарь ЦК Украины Подгорный, председатель Госплана Кузьмин, председатель Комитета Госбезопасности Шелепин.

Этот партийный протокол не только характеризует общее положение на иерархической лестнице режима, но прямо указывает и на тех, на которых Хрущев сейчас делает ставку.

В определенном смысле создатели нового «культа» правы. Они правы в том, что создают культ «мудрого» и «безгрешного» вождя Хрущеву, правы, далее, и в том, что диктатура не может быть устойчивой, если нет диктатора, находящегося вне критики. Из всех учеников Сталина по Политбюро Хрущева считали самым последним, который имеет шансы прибрать в свои руки наследство Сталина. В списке членов Политбюро, составленном в порядке «культа Сталина» в 1949 г. в связи с 70-летием Сталина, Хрущев занимал предпоследнее девятое место¹⁾. В списке членов Политбюро-Президиума, составленном в порядке «культа Маленкова», после смерти Сталина Хрущев, правда, немножко передвинулся, но все еще занимал лишь пятое место после Маленкова, Берия, Молотова, Ворошилова²⁾. Но с тех пор мы имеем дело с совершенно новым Хрущевым, которого мы не знали при Сталине. Надо иметь в виду, что не только люди посторонние, но и ближайшие друзья, даже больше — покровители самого Хрущева не узнали ни потенциальных возможностей, ни скрытых замыслов нынешнего первого секретаря. Только этим и можно объяснить, что, когда вчерашние «соратники и ученики» Сталина решили убрать «яркого» и амбициозного Маленкова с трона первого секретаря ЦК (14. 3. 1953), то времен-

¹⁾ «Правда», 21. 12. 1949.

²⁾ «Правда», 7. 3. 1953.

ным первым секретарем они назначают «серого» и «бездарного» Хрущева. Однако этот «серый» за каких-нибудь пять месяцев сумел разьединить и противопоставить друг другу своих главных врагов и конкурентов — Маленкова и Берия. Мобилизовав партаппарат, использовав Маленкова, опираясь на Булганина и Жукова, нейтрализуя Молотова, Хрущев сверг всесильного Берия (июль 1953). Опираясь на Булганина и Жукова, использовав Молотова, нейтрализуя других, Хрущев сверг Маленкова (февраль 1955). Мобилизовав партаппарат, используя ЦК, избранный на XX съезде, опираясь на Жукова, Хрущев разогнал Президиум ЦК из старой гвардии Сталина — Молотова, Маленкова, Кагановича, Булганина, Первухина, Сабурова, объявив их «антипартийной группой» (июньский пленум ЦК 1957 г.). Опираясь на новый свой «хрущевский» Президиум и Секретариат ЦК, Хрущев сверг маршала Жукова, предварительно отпавив его за границу, чтобы не было никакого риска (октябрьский пленум ЦК 1957 г.). Словом, Хрущев повторил историю восхождения к власти своего учителя с той лишь разницей, что для этого Сталину понадобилось целых пятнадцать лет (1922—1937), а Хрущеву лишь три года! Этот высокий сталинский класс мастерства Хрущева во внутривнутрипартийной игре говорит именно за то, что он и только он оказался достойным учеником покойного диктатора. XXI съезд лишь воздал должное, когда этот исторический процесс оформил юридически: положил конец «коллективному руководству» и признал Хрущева единственным и единственным вождем партии.

Однако при всем этом мы не можем говорить о личной диктатуре Хрущева. Конечно, он создал все необходимые предпосылки для этого: заново воссоздал Президиум ЦК и Секретариат ЦК; во главе армии и политической полиции поставил своих проверенных людей; во главе местных организаций — партийных, советских, хозяйственных — поставлены люди, проверенные личным Секретариатом Хрущева. «Антипартийная группа» или другие потенциальные конкуренты политически изолированы. Идеологический фронт взят в ежовые рукавицы сусловых. Все это говорит за единоличную диктатуру. Но два важных фактора говорят против нее: личные качества Хрущева и психологическая атмосфера в стране.

Конечно, в СССР диктатура, но диктатура Секретариата ЦК. Этот «Секретариат», состоящий из десяти секретарей, собственно и есть одновременно и «партия» и «правительство». Хрущев является признанным лидером этого «Секретариата». Вот этот политический триумф Хрущева как единственного вождя

партии вместо прежнего «коллективного руководства» официально закреплён «протоколом» XXI съезда.

Весьма важной является и вторая победа Хрущёва на XXI съезде — официальное признание его «классиком» марксизма-ленинизма. Старая формула — «учение Маркса-Энгельса-Ленина-Сталина» была сокращена на XX съезде исключением оттуда Сталина. Это создало в советской идеологии и коммунистической доктрине такой вакуум, что режим сразу почувствовал, особенно после венгерской революции и «разгула ревизионизма», необходимость заполнить его чем-нибудь, хотя бы суррогатом. Отсюда началась даже реабилитация некоторых, особенно ранних «теоретических трудов» Сталина, но послевоенный Сталин все-таки оставался «грешником» по части марксизма, поэтому кто-нибудь из Кремля должен был взять на себя роль нового творца и продолжателя учения марксизма-ленинизма. Но в силу коммунистической системы теоретиком коммунизма может быть только сам вождь, ибо прерогативы теоретика партии есть его монопольное право. И это вполне понятно, ибо теоретик партии только тот, кто своевременно предвидит будущие решения, авторитетно интерпретирует уже принятые и пользуется правом пересмотра («ревизии») «устаревших законов» марксизма-ленинизма, если этого требуют интересы дела. Понятно, что такая задача может быть выполнена только человеком, который владеет аппаратом партии и государства, то есть Хрущёвым. Возражения, что у Хрущёва нет интеллектуальных данных для теоретика и продолжателя учения Маркса-Ленина, просто несостоятельны. Хрущёв, конечно, не напишет новый «Капитал», но он полон решимости сделать нечто большее: создать предпосылки для победы коммунизма в мировом масштабе.

Признание Хрущёва теоретиком партии, продолжателем учения Маркса-Энгельса-Ленина ставит его, как в свое время и Сталина, вне критики и автоматически возводит в сан «непогрешимости». Любой член ЦК может ошибаться, но первый секретарь нет. Каждое его практическое действие отныне будет квалифицироваться как дальнейшее творческое развитие марксизма. Он же будет указывать время от времени какие пункты и положения из марксизма «устарели», какие нужно вновь вводить и как надо понимать текущие проблемы «коммунистического строительства». Поэтому съезд дал Хрущёву полную свободу и по части теории. В резолюции съезда так и говорится: «Основоположники марксизма и не могли ставить перед собой задачу

в деталях определить конкретные пути и методы построения коммунистического общества»³⁾).

Хрущев выдвинул в своем докладе ряд положений, которые съездом и были признаны «дальнейшим творческим развитием марксизма». Здесь нет возможности подвергнуть критическому анализу эти положения. Ограничимся указанием на главные из них. Хрущев утверждает:

- 1) В СССР социализм победил полностью и окончательно, то есть «в мире нет сил, которые могли бы восстановить капитализм в СССР... Опасность реставрации капитализма в СССР исключена»⁴⁾).
- 2) «Материальный стимул» есть главное оружие строительства не только социализма, но и коммунизма. В СССР началось строительство коммунизма⁵⁾).
- 3) Колхозная собственность будет постепенно доведена до уровня государственной собственности, а деревни будут превращены в «населенные пункты городского типа»⁶⁾ (старая идея Хрущева об «агрогородах»).
- 4) Государство отмирает при коммунизме, но возникает «народное управление делами общества» или «коммунистическое общественное самоуправление».
- 5) При наличии мировой системы социализма стало уже невозможным изолированно строить социализм (против Югославии).
- 6) Все социалистические страны придут к коммунизму более или менее одновременно (против Китая).

Член Президиума ЦК КПСС и секретарь ЦК Куусинен дал от имени своих коллег такую характеристику Хрущеву, как продолжателю марксистского учения:

«Мне помнится, как на одном из пленумов ЦК Молотов, сам не высидевший ни одного теоретического цыпленка, бросал другим товарищам упрек в «теоретической беспечности»... Теперь тов. Хрущев обогатил нашу теорию многими яркими мыслями и положениями... Вы знаете, что наша партия давно нуждается в новой программе... Я думаю, что если ЦК составит проект новой программы на основе главных положений доклада тов. Н. С.

³⁾ «Правда», 8. 2. 1939.

⁴⁾ «Правда», 28. 1. 1959, стр. 9.

⁵⁾ Там же.

⁶⁾ Там же.

Хрущева на этом съезде, то из этого получится хорошая программа партии»⁷⁾.

Так Хрущев стал и классиком марксизма-ленинизма.

Если внимательно присмотреться к этому «теоретическому вкладу» Хрущева в «сокровищницу» марксизма, то станет ясным, что собственно никакого «вклада» тут и нет. Все его «новшества» есть вариация сталинизма в новых условиях и, быть в одну цель: увековечение режима диктатуры партбюрократии и при коммунизме, полный возврат в идеологии к сталинскому режиму, еще большее прикрепление к московскому руководству «народно-демократических» сателлитов в Европе.

От XX съезда остаются лишь одни исторические воспоминания. Со своим XX съездом Хрущев поступил так, как Тарас Бульба со своим сыном Андреем: — «Я его родил, я его и убил!»

В этом смысле «теоретические открытия» Хрущева на XXI съезде есть полная капитуляция первого секретаря перед старой «теоретической гвардией» Сталина из ЦК. Ее состав хорошо известен: Суслов, Пospelов, Понамарев, Ильичев и Митин. Милостью и под диктовку этих сотрудников Сталина Хрущев сделался сегодня теоретиком.

В этом есть противоречивость положения Хрущева. Перманентный экспериментатор и реформатор, на продолжительное время он не может опираться в теоретических вопросах на эту группу ортодоксальных догматиков. Ведь это секретарь ЦК Куусинен дал, не без намека, такую убийственную характеристику догматикам. Вот его слова: «Лень мысли — вот та пуховая перина, на которой нежится догматизм. Те, кто страдает этим недугом, должны постараться побыстрее избавиться от него, поняв, наконец, что такова воля партии»⁸⁾.

Однако для самого Суслова и его соратников по теории главное, конечно, не лень, а система благоприобретенных взглядов, внутреннее убеждение, школа — школа сталинизма.

Насколько в политике Хрущев является самостоятельным, настолько же в теории он является пленником этих догматиков. То, что он говорил на съезде по части теории, как раз и вышло из догматической кухни сусловых. Да, только одному Хрущеву принадлежит монопольное право теоретика партии, но пока он пользуется им при посредстве старых сталинских догматиков. Такое положение не может долго продолжаться.

⁷⁾ «Правда», 4. 2. 1959.

⁸⁾ «Правда», 4. 2. 1959.

Уже больше года партийная печать хранила молчание об «антипартийной группе» Молотова, исключенной из ЦК на июньском пленуме ЦК КПСС 1957 г. Если иногда в газетах или журналах о ней и упоминали, то только вскользь, как о бывшем эпизоде, который даже и не заслуживает особого внимания. Но начиная с осени 1958 г. (сентябрьский пленум ЦК), партийная пропагандная машина только и знает одну тему: «антипартийная группа». На сентябрьском пленуме ЦК Хрущев заявил, что у него «не поворачивается язык, чтобы назвать этих людей товарищами». И тут же сообщается «сенсационная новость». Старая «антипартийная группа» Молотова, Кагановича, Маленкова, Шепилова дополняется новым членом: Булганиным. На декабрьском пленуме ЦК 1958 г. Хрущев ставит своего бывшего друга Булганина перед дилеммой: либо он во всеуслышание разоблачит себя и своих единомышленников из группы Молотова, либо — вон из ЦК! Булганин избрал старый, столько раз уже испытанный в этой партии путь предателя. Он произнес показную речь, в которой продемонстрировал не столько свою внутреннюю пустоту, сколько сталинскую выучку режиссера всей этой комедии. Унизительное самобичевание сочеталось у «грешника», как и в сталинские времена, насквозь фальшивой хвалой о «мудрости» нового вождя и его политики, потоком брани и рассчитанными доносами по адресу своих единомышленников. Булганин заявил: «Все, что говорил т. Хрущев об антипартийной группе — о Молотове, Маленкове, Кагановиче, обо мне и Шепиллове, и все, что говорили здесь выступающие товарищи, — правильно, все полностью отвечает действительности»⁹⁾. Что же говорил Хрущев и «выступающие товарищи»? Кроме всего прочего, они все в один голос утверждали о Булганине и его друзьях из группы Молотова, что они «презренная, предательская, подлая, мерзкая группа заговорщиков!» И вот Булганин свидетельствует перед пленумом ЦК, что именно таков он, таковы Молотов, Каганович, Маленков, т. е. **организаторы и создатели нынешней КПСС**. В незадачливую голову Хрущева не приходит мысль, что ему могут вполне резонно задать вопрос: если «антипартийцы» такие подлецы и мерзавцы (против чего, вообще говоря, спорить не приходится), то какова же должна быть партия, созданная и воспитанная этими мерзавцами? Ведь это выдвигенец Хрущева — секретарь Ленинградского обкома партии И. Спиридонов, приведя нелестные характеристики, которые дает Булганин своим друзьям, спрашивает у него: «Мы

⁹⁾ «Правда», 19.12.1958, стр. 2.

можем поверить Булганину, что эти характеристики сложились у него давно, так как он работал с этими людьми не год и не два, а добрых два десятка лет: как же в такую семью «дружных ребят» попал Булганин?»¹⁰).

В опубликованных после декабрьского пленума ЦК тезисах о семилетке включается и пункт о «презренной антипартийной группе». Был ли включен этот пункт только для очередной ругани по адресу давно разгромленной группы или Хрущев решил нанести ей еще новый удар, — это оставалось тайной. Однако все областные конференции, все съезды компартий союзных республик отводят «антипартийной группе» весьма почетное место — ее ругают, проклинают и разносят так, как будто она стала грозной и опасной силой для партии и страны. Партийная печать свою кампанию продолжает в том же духе. В такой атмосфере открывается XXI съезд партии. Весь первый день съезда занимает шестичасовой доклад Хрущева. Начинаются прения. Первым выступает новый ставленник Хрущева на Украине — первый секретарь ЦК Украины Н. Подгорный. Его выступление подготовлено и построено так, чтобы по нему равнялись следующие ораторы. Н. Подгорный должен подвести политические итоги тому, что произошло на верхах партии после июньского пленума ЦК 1957 г. Он блестяще справляется с этой задачей. Констатируя смысл происшедшего, что отныне он говорит не о «коллективном руководстве», а о «ЦК КПСС во главе с тов. Хрущевым», не просто о «заслугах ЦК», а о «личных заслугах т. Хрущева», не вообще об «антипартийной группе», а о «предательской группе». Теперь каждый делегат съезда знает, как и о чем говорить: 84 оратора, выступавшие по докладу, как бы соревнуются между собой: кто более «сочно» выругает группу Молотова, кто более ярко скажет о «личных заслугах т. Хрущева». Но еще одна «сенсация». Из речи секретаря Ленинградского обкома выясняется, что к «антипартийной группе» принадлежали еще два старых члена Президиума ЦК: Первухин и Сабуров!

Таким образом, выясняется, что из одиннадцати членов «коллективного руководства» — старого Президиума ЦК — шесть членов (Молотов, Каганович, Малёнков, Булганин, Первухин, Сабуров), т. е. большинство было против Хрущева. Это же большинство (к которому, несомненно, принадлежал и Ворошилов) и постановило 18 июня 1957 г. снять Хрущева с поста первого секретаря ЦК. Об этом в свое время писал из Москвы специаль-

¹⁰) «Правда», 30. 1. 1959, речь на XXI съезде.

ный корреспондент итальянской коммунистической газеты «Унита». Это же теперь косвенно подтвердил и Кириченко. Вот его слова: «Антипартийная группа сбросила с себя маску и 18 июня 1957 г. организованно выступила против курса XX съезда, т. е. тогда, когда ее участники подсчитали свои силы в Президиуме ЦК»¹¹). Да, молотовцы располагали большинством в Президиуме ЦК, но зато Хрущев располагал нечто большим, чем Президиум ЦК: он располагал аппаратом партии. Вот опираясь на этот аппарат, в котором оказался только один ренегат (Шепилов), Хрущев объявляет законное большинство «меньшинством», да еще «антипартийным», разгоняет его представителей не только из Президиума, но и из ЦК, снимает с правительственных постов и направляет в политическую ссылку. Разумеется, все это Хрущев «законно» оформляет на названном июньском пленуме ЦК.

Спрашивается, почему же Хрущев оставил в составе ЦК Булганина, Первухина, Сабурова и других вероятных «уклонистов», когда он выводил оттуда Молотова и его друзей? Неужели Хрущев не мог на том же пленуме вывести вместе всю эту «антипартийную группу»? Конечно, он мог бы это сделать. Но это было бы ему и политически и тактически невыгодно. В этом случае весь мир, особенно коммунистический мир, узнал бы, что Хрущев, будучи законно снят, не сдал своей должности, а произвел партийный и государственный переворот, разогнав Президиум ЦК и Президиум Совета Министров СССР. Открытое признание этого факта могло бы повлечь за собою тяжелые последствия. Слишком еще свежи и горьки были уроки от разоблачения Сталина. Но теперь, укрепившись у власти, выдвинув и расставив свои собственные партийные, военные и политические кадры, Хрущев раскрыл тайну расправы с группой Молотова, которая собственно не была тайной и тогда.

Какая же была цель Хрущева, вытаскивая вновь на сцену группу Молотова? Может быть эта группа продолжает беспокоить его, критиковать его политику, собирать вокруг себя новые силы?

Внимательный анализ материалов XXI съезда позволяет ответить на эти вопросы следующим образом:

- 1) Хрущев хотел официального осуждения группы Молотова от имени высшего органа партии — от имени съезда;
- 2) Хрущев хотел официального признания своего единоличного лидерства от имени съезда;

¹¹) «Правда», 1. 2. 1959, стр. 4.

- 3) Хрущев хотел заставить членов «антипартийной группы», под напором аппарата и критики на съезде, выступить на съезде с покаянными речами о своих ошибках и дифирамбами по адресу «мудрой» политики «лично тов. Хрущева».

Хрущев полностью достиг первых двух целей, но очень мало успел в достижении последней. Он должен был убедиться, что молотовцы не обнаруживают «энтузиазма» в покаянии а, наоборот, даже апеллируют к тому же съезду с жалобой на Хрущева (за то говорят два факта: во-первых, сведения из польских источников, и во-вторых, то, что на имя съезда поступили заявления неназванных лиц¹²⁾).

Вот тогда Хрущев вкладывает в уста ленинградского секретаря Спиридонова следующее требование: «После разоблачения антипартийной группы на июньском пленуме ЦК 1957 года впервые собрался высший орган партии — XXI съезд. И если до сих пор с участников этой группы был суровый и строгий спрос со стороны ЦК партии, то следует не менее сурово и строго держать ответ перед высшим органом партии — перед съездом, **особенно** тем, кто еще остался в составе ЦК»¹³⁾. Оговорка «особенно тем» и т. д. лишь подчеркивает, что требование Хрущева было направлено и к тем, кто исключен из ЦК, и к тем, «кто еще остался в составе ЦК». Из оставшихся в ЦК Спиридонов поименно призывал покаяться Первухина и Сабурова. Одновременно газета «Правда» включает в интенсивную «психологическую атаку» против группы Молотова всех оставшихся от сталинских чисток старых большевиков». 1 и 2 февраля газета печатает два письма старых большевиков (с указанием партстажа!) на имя съезда. Старые большевики с гневом и презрением проклинают (вероятно, весьма искренне) Молотова, Кагановича, Маленкова, Булганина за их «антиленинизм». Делегаты съезда с понятным любопытством ждали самобичевания «раскольников» и «заговорщиков», но не дождались. Только один Первухин вышел на трибуну и, собственно, говорил не столько о своих «ошибках», сколько о своих доносах июньскому пленуму ЦК 1957 г. на своих бывших единомышленников. Первухин заявил на съезде, что «понимая», что они задумали недопустимое, антипартийное дело, на июньском пленуме ЦК я рассказал все, что знал о фракционной антипартийной деятельности группы»¹⁴⁾. Но Первухин привел и любопытную деталь, которая говорит о

¹²⁾ См. «Правда», 6. 2. 1959.

¹³⁾ «Правда», 30. 1. 1959.

¹⁴⁾ «Правда», 4. 2. 1959, стр. 6.

том, что только часть резолюции июньского пленума «об антипартийной группе» была опубликована. Так, в той же речи Первухин говорит, что «как сказано в решении пленума ЦК, я в ходе пленума осознал свои ошибки, осудил их и помог пленуму ЦК разоблачить фракционную деятельность группы»¹⁵⁾.

Этого не сказано в опубликованной и известной нам резолюции июньского пленума. Такое выступление Первухина совершенно не удовлетворило ближайших подручных Хрущева. Один из них — шеф Госплана Кузьмин — прямо обвинил Первухина в неискренности, лжи и двурушничестве¹⁶⁾.

Атака против молотовцев достигла той грани, за которой уже должны последовать организационные выводы — исключение «антипартийцев» из партии, а там уже с ними дело будет иметь новый шеф НКВД. Но Молотов и его друзья не обнаруживают никаких признаков раскаяния. Даже присутствующий на съезде, все еще член ЦК, Сабуров отказывается последовать требованию руководства Хрущева и выступить. Булганин тоже не повторяет своей декабрьской речи. Что же дальше — исключение из партии группы Молотова или отступление Хрущева от своего требования? Хрущев не пошел по первому пути (хотя многие предполагали, что Хрущев собирается идти по этому пути). Он отступил. Вернее, он даже и не собирался исключать из партии «еретиков». Он только хотел выжать из них все, что возможно, для публичной дискредитации своих врагов, на которых все еще ориентируются истинно-сталинские круги на верхах партии и государства. Надо отдать дань справедливости — Молотов, Каганович и Маленков не поддались ни атакам на съезде, ни давлению аппарата, которое, вероятно, было весьма велико, и отказались подать хотя бы письменные заявления. Тогда хрущевское руководство поступило по принципу: «не вышло — не надо». Хрущев направил к трибуне мастера по таким делам Микояна. Микоян должен был спасти лицо Хрущева и одновременно умерить жар слишком уж жаждущих крови людей. Другими словами, подготовить «наступательное отступление». Микоян ловко справился и с такой задачей. Он заявил: «Мы сочли необходимым и сейчас считаем необходимым на этом съезде говорить об антипартийной группе с одной только целью — еще раз доказать на основе фактов всю неправильность и вредность ее политической позиции и еще раз подчеркнуть всю правоту ленинского ЦК»¹⁷⁾.

¹⁵⁾ Там же.

¹⁶⁾ «Правда», 5. 2. 1959.

¹⁷⁾ «Правда», 1. 2. 1959, стр. 3.

Наверное, даже делегаты съезда не поверили Микояну, что только эту «одну цель» преследовало руководство Хрущева, поднимая столь громкий шум вокруг группы, которая давно не существует.

Уже к концу съезда Хрущев дал понять, что он и не собирался исключать из партии членов «антипартийной группы». Его ЦК это не сталинский ЦК, который обычно расстреливал «уклонистов», а новый, «гуманный» ЦК, который дает уклонистам возможность искупить свою вину перед партией.

Заместитель председателя Совета Министров СССР А. Засядько так и заявил на съезде: «Я думаю, что ЦК поступил очень гуманно с такими деятелями, сместил их с занимаемых постов, дал им возможность на новой работе искупить свою вину перед партией и народом»¹⁸⁾.

Словом, мы просто вспоминаем старое, но подвергать членов антипартийной группы новому наказанию мы, «гуманисты», и не собирались!

В результате вся эта борьба, в которой участвовала собственно только одна сторона, кончилась одним абзацем в резолюции съезда с осуждением бывшей деятельности группы Молотова. Только характеристика группы стала более грозной: отныне ее величают «группой презренных заговорщиков». Такая характеристика пригодится, если придется в будущем переселить эту группу на Лубянку.

Железный закон сталинизма в организационной политике учит: только тот аппарат хорош, который создан самим диктатором, и только те кадры преданы, которые выдвинуты им лично.

Нынешняя практика Хрущева показывает, что он этот закон хорошо усвоил. Сейчас в СССР идет самая большая бескровная чистка кадров после тридцатых годов. Ее проводят без излишнего шума, без кричащих газетных шапок времен Сталина о «бдительности», без проверочных комиссий и партийных судов. Даже старое страшное слово «чистка» отсутствует. Ее заменили почти безобидными терминами: «реорганизация управления», «сокращение раздутых штатов», «перемещение работников», «выдвижение молодых кадров». Все отрасли государственной жизни — партаппарат, полицейский аппарат, хозяйственный аппарат, военное ведомство — подвергаются этой чистке. Начали ее с Центрального Комитета КПСС. Причем и здесь говорилось о «сокращении штатов» (сентябрьский пленум ЦК 1953 года). Но это «сокращение» выглядит сегодня так, что ЦК КПСС

¹⁸⁾ «Правда», 3. 2. 1959, стр. 3.

имеет сейчас двойной штат — один для СССР, другой — для РСФСР. Зато ни там, ни здесь нет ни одного руководящего работника (заведующие отделами, их заместители) из маленковско-сталинского ЦК. Весьма радикальная была чистка, проведенная в центральном государственном аппарате под видом «реорганизации» и «децентрализации» не только промышленных, но и «классических» министерств. Таким путем Хрущев разрушил всю социально-бюрократическую базу Молотова-Маленкова в высшем государственном аппарате, вычистив оттуда, по самым осторожным подсчетам, до 20 000 чиновников высшего и среднего ранга. Поэтому вполне понятны были жалобы группы Молотова, когда говорилось не только об «организационном зуде» Хрущева, но обвиняли его в «реорганизации с тенденцией», т. е. в «тенденциозной чистке»¹⁹⁾.

Велика была чистка и в Советской армии (здесь под чисткой надо понимать увольнение в запас ненадежных коммунистов из командного состава). Так, например, несмотря на то, что со времени XX съезда вся партия выросла на 1 023 626 человек, в Советской армии число коммунистов уменьшилось на 34 тысячи, что видно из сравнения военного представительства на XX и XXI съездах — на XX съезде присутствовало 116 военных делегатов из расчета один делегат на 5 000 коммунистов (что составляло всех коммунистов в армии 580 000), а на XXI съезде присутствовал 91 военный делегат из расчета один делегат на 6 000 коммунистов (что составляет всех коммунистов в армии 546 000 человек). В армейской организации, как и во всей партии, безусловно продолжался прием новых коммунистов, но этот прием, как показывают вышеприведенные данные, не компенсировал числа увольняемых из армии коммунистов. Конечно, из армии увольняют коммунистов и в нормальном порядке по сокращению личного состава (что и происходило по советским данным в 1955—1956 гг. и в 1958—1959 гг.), но процент коммунистов среди рядовых не был велик («коэффициент насыщенности» Советской армии коммунистами в 1956 г. составлял около 15—20%, а среди командного и долгосрочного сержантского состава он доходил до 80%). Только после снятия маршала Жукова происходит резкое падение числа коммунистов, по всей вероятности, среди того постоянного командного состава, для которых опальный маршал был не только идолом, но и подлинным организатором военного триумфа СССР над Германией.

Однако решающее значение для Хрущева имеет та чистка, которая сейчас проводится в решающем аппарате режима — в

¹⁹⁾ См. речь Кузьмина, «Правда», 5. 2. 1959.

«комитетском» и «секретарском» корпусах партии. Она отразилась и на составе самого XXI съезда. Еще рано делать тут какие-либо окончательные выводы, пока в нашем распоряжении нет всех мандатных данных XXI съезда, но уже имеющиеся данные показывают тенденцию, линию чистки.

Это — курс на выключение с политической сцены довоенных, маленковско-сталинских кадров и выдвижение на руководящие должности коммунистов военного и послевоенного времени.

Вот сравнительные данные:

Партийный стаж делегатов²⁰⁾.

XX съезд — 1355 делегатов. XXI съезд — 1269 делегатов.

До революции 1917 года	— 22 чел.	— 8 чел.
1917—1920	— 60 "	— 37 "
1921—1930	— 24,9%	— 19,9%
1931—1940	— 34,0%	— 33,8%
1941—1945	— 21,6%	— 21,7%
1946 и позже	— 13,4%	— 21,1%

Эти данные показывают, во-первых, явное уменьшение числа делегатов с довоенным стажем на XXI съезде по сравнению с делегатами XX съезда, несмотря на относительно малый срок, прошедший с того времени (1956 г.), во-вторых, тут ясно видна линия на выдвижение «молодых кадров» чисто хрущевской школы (люди, обязанные Хрущеву своей карьерой, будут ему верны, — таков мотив хрущевского аппарата).

Так, если на XX съезде делегатов — членов партии с 1941—1946 годов и позже было всего 35%, то на XXI съезде они составляют 42,8%. Почти 43% новых, молодых людей, выдвинутых лично Хрущевым, — вот из кого состоит сегодня элита партии. Но отсюда вытекает и другой вывод: чтобы эти новые кадры могли занять свое место на высшем уровне партийной иерархии, старые кадры должны были оттуда уйти. Количество высших должностей остается тем же самым, только должностные лица меняются. Все это сказалось, конечно, и на составе руководящих органов XXI съезда (Президиум, Секретариат, Редакционная коллегия, Мандатная Комиссия). Из 80 человек, избранных в состав этих органов, 26 человек были новыми вы-

²⁰⁾ «Правда», 17.2. 1956 и «Правда», 30.1. 1959.

движенцами. Зато 36 человек, которые сидели в руководящих органах XX съезда, не попали в число таковых на XXI съезде.

Многие из них вообще не попали на съезд (новый шеф НКВД Шелепин тоже не был в Президиуме — но тут, конечно, были другие соображения).

Кого же выдвигает, на какой тип государственных и партийных деятелей держит курс Хрущев? Этот курс вытекает из самого социального состава КПСС, из того ведущего костяка, который сложился в этой партии. Костяк этот — техническая интеллигенция. Ее рост в партии весьма стремительный. Если на январь 1956 года в КПСС было 187.773 человека с высшим и средним **специальным** образованием²¹⁾, то на начало 1959 года таких специалистов в партии было 2 300 000 человек, то есть за три года в партию пришло около 430 000 инженеров, техников, агрономов.

В те времена, когда Сталину и сталинцам все еще приходилось выдавать диктатуру партбюрократии за «диктатуру пролетариата», существовало правило — выдвигать на руководство государством и партией «рабочих от станка». К тому же это Ленин выдвинул лозунг «каждая кухарка должна уметь управлять государством». Если бы сейчас кто-либо выдвинул такой лозунг в СССР, то его несомненно посчитали бы ненормальным. И это государство до сих пор считается «государством рабочих и крестьян»! Сейчас правом на выдвижение пользуются те, кто имеет кроме партбилета еще и государственный диплом об окончании университета или института. Так открыто и так цинично такой курс на создание бюрократического государства и государственной бюрократии впервые оглашен только на XXI съезде. В самом деле, послушаем руководителей КПСС. Секретарь ЦК Аристов заявил в своей речи: «Чтобы успешно руководить промышленностью, двигать технику вперед, надо в партийных органах иметь больше работников, знающих и любящих технику... с большой настойчивостью выдвигать новые, молодые кадры к руководству партийными, советскими и хозяйственными организациями²²⁾».

То же самое, но более конкретно заявил другой секретарь ЦК Кириченко: «В настоящее время жизнь выдвинула требование иметь среди руководящих партийных, советских, хозяйст-

²¹⁾ «Правда», 17. 2. 1956.

²²⁾ «Правда», 1. 2. 1959, стр. 7.

венных и профсоюзных работников больше **специалистов**, **зна-токов разных отраслей хозяйства»²³⁾**).

Сам первый секретарь в своем докладе дал понять, что новый курс на «выдвижение специалистов» из молодых есть твердая директива, которая распространяется и на весь партийный аппарат в смысле замены старых секретарей партии новыми секретарями. Хрущев недвусмысленно указывал и на тот вполне понятный саботаж, с которым старый аппарат встречает новый курс. Вот соответствующее место из доклада Хрущева:

«На руководящую работу необходимо выдвигать людей подготовленных... Наша партия богата такими кадрами... Между тем факт свидетельствует о том, что среди руководящих кадров еще недостаточно молодых по возрасту работников, в том числе среди секретарей райкомов, горкомов, крайкомов и ЦК компартий союзных республик»²⁴⁾. Хрущев предписал своему аппарату снимать с работы старых, «отстающих от жизни» людей, других переводить ввиду «старости» на легкую работу, третьих — просто по инвалидности переводить на пенсию²⁵⁾. Словом, освобождать места, в том числе и в партаппарате, от людей сталинско-маленковского времени, чтобы выдвигать туда «молодых по возрасту работников». Талантливый ученик Сталина хорошо знает, что секрет долговластия учителя был основан на кадрах, обязанных лично диктатору.

Та же чистка, по всем данным более интенсивно и в широком масштабе, происходит в органах НКВД. И эту чистку Хрущев называет «сокращением аппарата». Так в своем докладе он заявил: «резко сокращен аппарат милиции, **особенно значительно сокращен аппарат органов безопасности»²⁶⁾**. Но Хрущев тут же объявил, что на место «сокращенных» он думает набирать новых чекистов, подобранных уже новым аппаратом. Только так и надо понимать его следующее заявление: «Мы должны укреплять органы государственной безопасности». «Укреплять» на языке сталинцев значит набирать в аппарат НКВД новых людей вместо тех, которых вычистили в порядке «особенно резкого сокращения». Такова большая бескровная чистка, которая проводится сейчас по всей стране и во всех звеньях режима. От сталинских чисток она отличается только тем, что ее жертвы не бросают в тюрьмы, а переводят на полезную

²³⁾ «Правда», 1. 2. 1959, стр. 5.

²⁴⁾ «Правда», 28. 1. 1959 г., стр. 10.

²⁵⁾ «Правда», там же, стр. 9.

²⁶⁾ Доклад Хрущева, «Правда», 28. 1. 1959 г., стр. 9.

для государства и безопасную для Хрущева работу — на производство.

С точки зрения ленинизма-сталинизма победа коммунизма в других странах считалась возможной: 1) в результате организованной изнутри или инспирированной извне «пролетарской революции» (Ленин) или 2) в результате военной советской агрессии, которая вручает власть местным коммунистам путем инсценировки «народно-демократических» выборов (Сталин). Теперь Хрущев дополняет эту стратегию коммунизма новым типом революции — отныне победа коммунизма мыслится и по **третьему методу**, а именно в форме советской экономической агрессии, которая у него называется «экономическим соревнованием двух систем — коммунизма и капитализма». До сих пор советская политика прибегала только к двум первым формам коммунистической революции, что объяснялось экономической, собственно промышленной, слабостью СССР. Теперь, как вторая по мощности индустриальная держава в мире, СССР может и собирается приступить к тому, чтобы поставить свою экономическую мощь на службу своим политическим целям. Ленин не мог проводить такую политику, но он ее предвидел. Он писал: «Сейчас главное свое воздействие на международную революцию мы оказываем своей хозяйственной политикой... На это поприще борьба перенесена во всемирном масштабе. Решим мы эту задачу — и тогда мы выиграли в международном масштабе наверняка и окончательно. Поэтому вопросы хозяйственного строительства приобретают для нас значение совершенно исключительное»²⁷). Из этого указания Ленина собственно и исходит новая экономическая доктрина Хрущева о завоевании «мирным», экономическим путем. Три задачи новой доктрины являются наиболее важными:

- 1) продолжение сталинской политики примата тяжелой индустрии (военно-стратегической индустрии),
- 2) координация ведущих отраслей экономики «социалистического лагеря» в Европе под главенством Москвы для конкурентной борьбы с развитыми странами,
- 3) постепенное, но стремительное экономическое проникновение в малоразвитые страны, вытесняя оттуда страны западные (вложения советского капитала, политика демпинга, низкопроцентные займы, политика прямого товарообмена, засылка хозяйственных миссий и экспертов, подготовка туземных специалистов в СССР и другие методы).

²⁷) Ленин, т. XXVI, стр. 410—411, 3-ье издание.

Разумеется, что новая экономическая доктрина мирового господства вовсе не исключает старой ленинской доктрины прямых действий — восстаний, революций, гражданских и национальных войн. Она не исключает и сталинской доктрины завоевания мирового господства путем прямых военных агрессий. Однако в Кремле учитывают, что та и другая доктрина не могут рассчитывать на безнаказанность риска. Целая серия прямых или косвенных агрессий Сталина после второй мировой войны (Греция, иранский Азербайджан, Корея, берлинская блокада и др.) показала сталинцам, что времена легких военных прогулов или военно-политического шантажа уже миновали. Теперь каждый новый шаг на путях такой политики неизбежно приводит СССР «на грань войны». Но рисковать войной при нынешнем соотношении сил между Западом и Востоком значит рисковать гибелью существующего режима. В этих условиях новая доктрина приобретает для Кремля исключительное значение. На ее знамени написаны общепонятные капиталистические лозунги: «свободная конкуренция», «одинаковые возможности», «открытые двери» (в чужих странах), плюс один советский лозунг: «соревнование двух систем», но не в плане пресловутого «сосуществования», а в ленинском плане — «кто кого»? — на этот раз уже в международном масштабе. Мирное экономическое соревнование должно продемонстрировать, по замыслу его авторов, все преимущества коммунизма над свободным миром. Оно должно подтачивать, подрывать, а потом и повести к гибели слабых, как и во всякой конкурентной борьбе. Оно происходит в тылу некоммунистических стран, тогда как границы СССР для свободного мира попрежнему остаются закрытыми (монополия внешней торговли). Оно будет соревнованием между гигантским госкапиталистическим концерном — СССР, с одной стороны, и разрозненными, таможенными границами ослабленными отдельными странами и даже отдельными компаниями свободного мира, с другой. Само поднятие жизненного стандарта народов СССР Хрущев рассматривает в плане своей новой доктрины. Хрущев стремится поднять жизненный стандарт народов СССР не ради поднятия самого стандарта жизни, не ради целей гуманизма и социальной справедливости, а ради **политики**, ради политических целей режима внутри и вне страны. Послушаем Хрущева:

- 1) «Рост благосостояния советских людей имеет огромное внутреннее и международное значение. Он явится мощным фактором дальнейшего укрепления морально-политического единства советского общества. Повышение жизненного уровня советского народа явится так же новым доказательством вели-

ких преимуществ социализма перед капитализмом, усилит воздействие идей социализма, примера СССР и других социалистических стран на трудящихся капиталистических, зависимых и колониальных стран»²⁸).

- 2) «В нашей стране будет достигнут самый высокий жизненный уровень, будет самый короткий в мире рабочий день. Если образно выразиться, мы кладем на весы все, что имеется в нашем семилетнем плане... Мы уверены, что народы сделают правильный выбор; все народы изберут путь, указанный марксизмом-ленинизмом»²⁹).

В беседе с американским публицистом В. Липманом Хрущев пугал американцев больше коммунизмом, чем атомным оружием: «Коммунизм, — сказал Хрущев, — представляет для вас на деле большую опасность как идеология и доктрина, чем военная политика советского правительства»³⁰). Хрущев уверял Липмана, что малоразвитые страны убедятся на примере СССР в преимуществе коммунизма и что они на путь прогресса могут стать только при коммунистическом ведении хозяйства. Хрущев не оставил никакого сомнения, о каких странах он говорит, когда по свидетельству Липмана, прямо заявил, что например, «для Индонезии было бы гораздо лучше, если бы она приняла советскую систему»³¹). В «тезисах» Хрущева к XXI съезду КПСС новая доктрина Хрущева находит свое материально-плановое воплощение. В них же дана и генеральная внешнеполитическая установка нового семилетнего плана. Какова эта установка? Вот соответствующее место из «тезисов» Хрущева: «Ленин предвидел, что главное воздействие на весь ход мирового развития Советский Союз будет оказывать своим хозяйственным строительством». «Если Россия, — говорил Ленин, — покроется густой сетью электрических станций и мощным техническим оборудованием, то наше коммунистическое хозяйственное строительство станет образцом для трудящихся социалистической Европы и Азии»³²).

Совершенно очевидно, что такое настойчивое подчеркивание экономической стороны коммунистической агрессии не является игрой в демагогию. Мы присутствуем здесь именно при рождении

²⁸) Речь Хрущева о «семилетнем плане», «Правда», 15.11.1958.

²⁹) Там же.

³⁰) «Нью-Йорк Геральд Трибюн», 11 ноября 1958 г., европейское издание.

³¹) «Нью-Йорк Геральд Трибюн», там же.

³²) Ленин, т. 31, стр. 486.

новой экономической доктрины коммунизма о «мирном» завоевании мира. Разница между Лениным и Хрущевым заключается в этом вопросе в том, что в планах мировой революции для Ленина экономика СССР играет только **пассивную** роль (как пример, как иллюстрация в преимуществе коммунизма), а Хрущев идет дальше — он за **активную** экономическую экспансию в неосвоенные еще капитализмом страны Азии, Африки и Латинской Америки.

Эта новая экономическая доктрина борьбы за мировое господство исходит из двух установок, которые Хрущев огласил на XXI съезде:

- 1) в результате выполнения и перевыполнения семилетнего плана, а также высоких темпов развития экономики стран народной демократии страны лагеря социализма будут производить более половины всей мировой промышленной продукции³³⁾.
- 2) После выполнения семилетнего плана плюс еще пять лет СССР выйдет на первое место в мире как по абсолютному объему производства, так и по производству продукции на душу населения. **«Это будет всемирно-исторической победой социализма в мирном соревновании с капитализмом на международной арене»³⁴⁾.**

Вся политическая часть доклада Хрущева именно и пронизана этой идеей — вызовом: «кто кого» похоронит без войны — коммунизм свободный мир или наоборот?

Теоретик партии Островитянов говорил в своем выступлении на съезде и о самой технике проникновения коммунизма в экономический тыл свободного мира. Чтобы это проникновение происходило успешно, Кремль решил направить первый удар своего будущего экономического наступления против главного врага на мировом рынке — против доллара. Островитянов прямо заявил: «по мере дальнейших успехов в коммунистическом строительстве советский рубль начнет выходить на арену всемирного рынка, постепенно вытесняя оттуда доллар»³⁵⁾.

По марксистской теории при коммунизме не должно быть денег. Там ведь все получают без денег и «по потребности».

Как же все это согласовать с превращением советского рубля в монопольную мировую валюту? Островитянов имеет ответ и на этот вопрос. Он говорит, что «окончательное отмирание товарно-денежных отношений произойдет с **победой коммунизма в мировом масштабе»³⁶⁾.**

³³⁾ Доклад Н. Хрущева о семилетке, «Правда», 28.1.1959, стр. 6.

³⁴⁾ Хрущев, там же, стр. 6.

³⁵⁾ «Правда», 6.2.1959, стр. 9, речь Островитянова.

³⁶⁾ «Правда», там же.

Поэтому XXI съезд уделил особое внимание необходимости проникновения советского капитала и, следовательно, советской идеологии, в экономически слаборазвитые страны. Не только в докладе Хрущева, в речах ораторов, но и в резолюции самого съезда подчеркивается первоочередная важность для СССР этой задачи.

В резолюции съезда говорится, что «крепнут экономические связи СССР с экономически слаборазвитыми странами. В 1957 году торговый оборот СССР с ними увеличился по сравнению с 1953 годом в 5 раз. СССР рассчитывает, что его экономические связи с этими странами будут и впредь непрерывно расширяться»³⁷⁾.

Как задачи проникновения в слаборазвитые страны, так и общие экономические задачи «семилетки» служат, по мнению режиссеров XXI съезда, одной и единственной стратегической цели — ускорению «необходимой победы социализма над капитализмом». В связи с этим XXI съезд угрожающе записывает в своей резолюции: «Рабочий класс, все прогрессивное человечество видят в коммунистическом строительстве в СССР **свое собственное будущее**»³⁸⁾.

«Победе коммунизма в мировом масштабе» и подчинены внешнеполитические задачи семилетки.

Игра Троцкого в «перманентную революцию» базировалась на голой фантазии, ибо крестьянская Россия не могла вооружить эту революцию технически. Поэтому она так и осталась фантазией. Курс Хрущева на внутренний взрыв свободного мира основан на реальных расчетах высокоразвитой великой индустриальной державы. Опасность этой новой доктрины в ее потенциальной осуществимости, если Запад переоценит свои силы и недооценит силы коммунизма.

А. Авторханов

³⁷⁾ «Правда», 8. 2. 1959.

³⁸⁾ «Правда», 8. 2. 1959.

СЕМИЛЕТНИЙ ПЛАН РАЗВИТИЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

XXI, внеочередной съезд КПСС был созван не для делового обсуждения семилетнего плана, — таковое обсуждение на съезде просто невозможно, — а для создания той гигантской пропагандной кампании, на которую огромная часть свободного мира смотрит глазами загипнотизированного кролика. Именно в этом заключается неоспоримый, огромный, почти неожиданный успех. А является ли семилетний план новым свидетельством гигантских экономических успехов СССР и преддверием райского «процветания» коммунизма — в этом следует еще серьезно разобратся.

Едва ли есть смысл сколько-нибудь подробно пересказывать здесь «контрольные цифры развития народного хозяйства СССР на 1959—1965 годы». Те, кто интересуются этой парадной статистикой могут найти ее или в «Правде» от 14 ноября 1958 г., или в «Правде» от 8 февраля 1959 г. Разница в этих двух изданиях заключается только в том, что последнее из них «утверждено единогласно» без каких-либо изменений по отношению первого. Парадность цифр, парадность оформления!

Оставим все это в стороне и перейдем к самой сути; заменим парадную шумиху и звонкую пустую фразу разбором и анализом самого существа.

1. Промышленность и транспорт

План предусматривает, что валовая продукция промышленности в 1965 г. по сравнению с 1958 годом должна возрасти примерно на 80%, в том числе по группе «А» — производство средств производства — на 85—88% и по группе «Б» — производство предметов потребления — на 62—65%. Среднегодовой прирост валовой продукции в 1959—1965 годах по промышленности в целом составит примерно 8,6%; по группе «А» — 9,3% и по группе «Б» — примерно 7,3%.

Прежде всего эти самые общие контрольные цифры указывают на значительное замедление темпов развития как промышленности в целом, так и отдельных ее частей, что хорошо видно из следующей таблицы:

**Среднегодовые темпы прироста валовой продукции
промышленности по пятилеткам (в %/о/о)**

	1929— 1932	1933— 1937	1938— 1940	1946— 1950	1951— 1955	1956	1957	1959— 1965
Вся промышленность	19,2	17,1	13,2	13,6	13,2	11,0	10,0	8,6
в том числе:								
произв. средств								
производ. (гр. «А»)	28,5	19,0	15,3	12,8	13,8	11,4	11,0	9,3
произв. средств								
потребл. (гр. «Б»)	11,7	14,8	10,1	15,7	12,0	9,4	8,0	7,3

Именно это обстоятельство послужило основанием для заявления Хрущева, что предлагаемый на утверждение съезда план ни в коем случае не является планом перенапряженным и более того — план реален и легко выполним. Верил ли сам Хрущев в правдивость сделанного заявления — сказать очень трудно, но абсолютно очевидно, что оно совсем не соответствует действительному положению вещей. Действительное же положение вещей определяется планово-предусмотренной огромной неравномерностью развития отдельных отраслей промышленности, что в конце концов создаст напряжение, и очень вероятно — крайнее напряжение, в отраслях наиболее быстро развивающихся и напряжение в медленно развивающихся отраслях за счет отвлечения от них сил и средств на развитие быстрорастущих отраслей.

Просмотрим главные задачи, — как их определяет сам план, — и реальные возможности выполнения задач по отдельным, важнейшим разделам плана. «XXI съезд КПСС считает важнейшими задачами семилетнего плана:

— высокие темпы и необходимые пропорции в развитии народного хозяйства».

О высоте темпов речь была уже впереди, а о необходимых пропорциях и, более того, об элементарных увязках внутри самого плана мы сейчас будем конкретно говорить на примерах ряда отраслей.

Как вторая важнейшая задача плана указывается:

«значительное увеличение производства черных и цветных металлов для более полного удовлетворения растущих потребностей народного хозяйства».

Уже в 1958 г. указывалось: «...черная металлургия еще не обеспечивает народное хозяйство необходимым количеством металла, что сдерживает развитие ряда важнейших отраслей. Об этом свидетельствует тот факт, что в некоторых отраслях машиностроения объем производства промышленной продукции устанавливается, исходя из выделяемых ресурсов проката черных металлов, причем соответственно мощности машиностроительных заводов остаются недогруженными».¹⁾

При таком существующем положении с черными металлами, «для более полного удовлетворения **РАСТУЩИХ** потребностей народного хозяйства» план предусматривает рост группы «А», — решающего потребителя черных металлов, — на 85—88%, а рост производства черных металлов — в среднем только на 66%. Однако сам по себе разрыв в темпах роста еще не отражает полноты картины. На самом деле потребность в черных металлах будет расти быстрее, чем рост промышленного производства группы «А». Произойдет это потому, что: металлоемкие отрасли производства будут расти быстрее, чем вся тяжелая промышленность в среднем (так рост машиностроения предусмотрен на 100—120%); предусматривается огромное металлоемкое строительство в промышленности, на транспорте и прокладка огромной сети трубопроводов. Правда, план предусматривает всемерную экономию металла (в машиностроении на 25%), но предусматривать — не значит ее иметь. Пока что «например, толщина стенок чугунных труб по ГОСТу превышает на 10—25% толщину, установленную сортиментом еще в 1882 году»,²⁾ и подобные высказывания можно найти по адресу стальных труб, станков, тракторов, вагонов, тепловозов и любой другой продукции металлообрабатывающей промышленности. В свете фактов, приводимых советской прессой в области проблемы экономного расходования металла, планирование экономии в сколько-нибудь значительных размерах является беспочвенным оптимизмом.

Таким образом совершенно очевидно, что собственное производство черных металлов не только не даст «более полного удовлетворения» в них нужд семилетки, но, наоборот, приведет к еще большему разрыву между производством и потреблением. Покрыть этот разрыв Советский Союз может только за счет внешних источников.

Чем же объясняется сознательное допущение такого разрыва? Объясняется это внутренними проблемами черной металлур-

¹⁾ «Вопросы Экономики» № 1 за 1958 г., стр. 15.

²⁾ «Правда», 29 янв. 1959 г., стр. 2.

гии, которые сделали непосильным рост производства черных металлов, пропорциональный росту их потребления. Главная из этих проблем — запущенность железнорудной базы. Академик Бардин так характеризует существующее положение: «Современное состояние железнорудной базы черной металлургии не соответствует все увеличивающейся потребности в руде. ... Ввиду напряженного баланса железной руды некоторые агрегаты металлургических предприятий в настоящее время используются не полностью, а для удовлетворения их потребности часто привлекаются бедные железные руды из отвалов... В семилетнем плане на 1959—1965 гг. предусматривается ликвидация создавшегося положения. Железнорудная промышленность будет приведена в соответствие с потребностями черной металлургии»³).

Несомненно, если спросить Хрущева, подобное положение является лучшим доказательством научности советского планирования и ярким свидетельством действия закона пропорционального развития в социалистической экономике. Нам же, по простоте душевной, оно представляется итогом просчетов и ошибок, накопившихся за послевоенные годы в металлургии. В конечном счете если выплавка чугуна возрастает на 64—77%, то добыча сырой руды возрастет в 2,7 раза, а выпуск подготовленной руды — в 2,2 раза. Для выполнения этой программы нужно ввести новых мощностей по сырой руде на 202 млн. тонн руды в год и построить горнообогатительные предприятия мощностью 188 млн. т обрабатываемой сырой руды в год.

Исправление застарелых ошибок в железнорудном хозяйстве черной металлургии будет создавать режим крайнего напряжения во всей черной металлургии.

Темпы роста выплавки цветных металлов значительно превосходят задания по черной металлургии. Так, например, выплавка алюминия должна быть увеличена в 2,8—3 раза. «Это очень большой рост. Но тем не менее он не удовлетворит всех неотложных нужд страны. Из-за недостатка алюминия мы вынуждены ограничивать его применение в электропромышленности, в машиностроении, а также в других отраслях народного хозяйства» — заявляет Аристов с трибуны XXI съезда. Как же выглядит современное положение с обеспеченностью алюминием, если почти 3¹/₂ краткое опережение его производства по сравнению с общим ростом экономики не исправит его окончательно? Вот так закон пропорционального развития!

³) «Плановое Хозяйство» № 12 за 1958 г., стр. 19—20.

Производство рафинированной меди должно возрасти в 1,9 раза; значительно должно быть увеличено производство других металлов, а особенно редких и рассеянных.

Современная резкая нехватка всех цветных металлов (особенно редких, рассеянных и в том числе полупроводников) объясняется тремя главными причинами: недостаточной энергетической базой, ибо без электричества невозможно окончательное получение любого из цветных металлов; устаревшими технологическими процессами, которые понижают процент извлечения основных металлов и оставляют в отходах ценнейшие редкие металлы-спутники; запущенностью рудного хозяйства цветной металлургии. Как будет устраняться важнейшая причина — энергетический голод, — об этом речь впереди. Что же касается введения новых технологических процессов и приведения в порядок и в соответствие с нуждами производства рудодобывающей части цветной металлургии, то надо сказать, что уже только эти задачи потребуют грандиозного напряжения сил и в самой цветной металлургии и в некоторых смежных отраслях.

Третья важнейшая задача семилетнего плана:

« — ускоренное развитие химической промышленности и особенно производство искусственного и синтетического волокна, пластических масс и других синтетических материалов. Химическая промышленность станет важнейшим источником сырья для производства товаров народного потребления».

Общий объем производства химической продукции увеличивается примерно в 3 раза, в том числе: искусственных волокон в 4 раза, пластмасс в 7 раз, удобрений в 3 раза. Главный рост будет идти в отрасли органического синтеза на базе природных и попутных нефтяных газов. Для выполнения этой программы за семилетие должно быть построено заново или закончено строительством более 140 крупнейших химических предприятий и свыше 130 предприятий реконструировано.

Грандиозный, всесоюзный «химический» штурм объявлен не от хорошей жизни, а является следствием и необходимостью, вытекающей из застарелых просчетов, ошибок и непонимания, еще раз и со всей силой демонстрирующих всю «научность» советского планирования и всю силу «закона» пропорционального развития социалистической экономики. Размер всей суммы просчетов только очень обще можно видеть в признаниях, что химическая промышленность «в настоящий момент не удовлетворяет большим требованиям к химической промышленности,

предъявляемым многими отраслями народного хозяйства, в первую очередь ведущими отраслями тяжелой индустрии».

Индустриальное развитие передовых стран за последние десятилетия с определенной точки зрения представляло собой все ускоряющийся процесс химизации всех отраслей хозяйства, что приносило им, этим отраслям, неисчислимые выгоды. Характерно, что если за последние 25 лет средний годовой прирост промышленной продукции США составлял около 3% в год (по другим сведениям — 4,2% в год), то химическая промышленность давала 10% ежегодного прироста, а в ней — химия органического синтеза — 14% годового прироста. В то же время советское химическое производство росло со скоростью только немного превышающей средний рост группы «А» и далеко отставало от темпов роста машиностроения и металлообработки. Так, например, при общем росте промышленного производства в СССР в 1957 г. по сравнению с 1940 г. в 3,9 раза, выпуск химической продукции увеличился только в 5 раз (коэф. 1,28 при коэф. 3,34 для США). Только совсем недавно, под нажимом фактов и оборонных нужд, советским горе-хозяевам стало ясно, что с недостаточно и примитивно развитой химией нечего и думать о решительном техническом прогрессе в целом ряде отраслей промышленности и, что особенно важно для них, в целом ряде отраслей военной промышленности.

Каковы же перспективы того, что всесоюзный «химический» штурм закончится успехом? Некий Федоров — председатель Государственного комитета Совета Министров СССР — как то и положено, выступая на съезде оптимистически оценивал эти перспективы. Федоров считает, что то внимание, которым окружила партия и правительство и «лично товарищ Хрущев» химическую промышленность и ее стройки, а также «создание специальных организаций при Госплане СССР по комплексной поставке оборудования стройкам большой химии, специализация еще 11 машиностроительных заводов для производства химического оборудования, закупка в зарубежных странах технологических установок для производства различных синтетических материалов — являются крепкой гарантией того, что задания по ускоренному развитию химической промышленности будут выполнены досрочно»⁴).

В других своих выступлениях Федоров не столь оптимистичен. Только за три недели до своего выступления на съезде он писал в «Правде» (14 января, стр. 3): «Однако по ряду важней-

⁴) «Правда», 6 февраля 1959 г., стр. 4.

ших объектов химической промышленности план капитального строительства выполняется неудовлетворительно... Ряд объектов не введен в строй из-за неудовлетворительной организации материально-технического снабжения, несвоевременной поставки оборудования... Для того, чтобы достичь наиболее ощутимых результатов в удешевлении и ускорении строительства, нужно ускорить серийное производство высокопроизводительного оборудования».

Это последнее высказывание более правильно и полно отражает существующее положение, но, тем не менее, не отражает его целиком. И здесь сразу же выясняется, что «...несмотря на достигнутые результаты, объем производства и технический уровень ряда выпускаемых машин еще не соответствует растущим требованиям химической промышленности, что в значительной степени сдерживает ее развитие»⁵⁾. Выясняется далее, что ряд решающего оборудования, в частности для нефтехимической промышленности, еще вовсе не выпускается и даже не разработан технически. Выясняется также, что заводы химического машиностроения не имеют достаточной экспериментальной базы, что они не специализированы и «испытания машин на предприятиях химической промышленности непомерно затягиваются». Надо не только построить ряд крупных заводов химического машиностроения, но и решительным образом навести порядок на старых. Решить вопрос снабжения оборудованием всей огромной программы можно только на путях **резкого перевыполнения плана закупок комплексного оборудования для целых заводов в странах Запада.**

Плохо обстоит дело и с внедрением в производство новых технологических процессов. Академик Топчиев утверждает, что «наиболее слабым звеном у нас является технологическая разработка и опытная проверка процессов» «и если растягивать внедрение их (науки и техники — К. К.) достижений в практику на многие годы, процессы будут стареть быстрее, чем мы будем осуществлять их в производстве».⁶⁾ Отсталость технологических процессов в химической промышленности настолько велика, что, по заявлению бывшего заместителя восточногерманской разведки Домбровского, советская агентура имела специальное задание красть в Западной Европе точные сведения о технологии новых химических производств.

⁵⁾ «Плановое Хозяйство» № 9 за 1958 г., стр. 40.

⁶⁾ «Правда», 6 июня 1958 г., стр. 2.

Таковы главные исходные положения для решения грандиозной задачи химизации всего промышленного производства СССР. И, тем не менее, остается еще один важнейший вопрос — обеспечение всей этой программы энергетическими мощностями. Ведь все отрасли химической промышленности, намечаемые к наиболее быстрому росту, представляют собой крайне энергоемкие отрасли производства. Однако к этому вопросу мы вернемся в разделе энергетики.

Четвертая важнейшая задача семилетнего плана:

« — изменение структуры топливного баланса путем преимущественного развития добычи и производства наиболее экономичных видов топлива — нефти и газа».

На истории топливного баланса СССР можно еще раз воистину до конца убедиться, что социалистическая экономика руководится только «наукой» и развивается по «законам». Более того, на ней можно убедиться и в том, что в советской экономике ясно видимые экономические соображения и расчеты отступают перед политическими «ориентациями», «курсами» и «установками».

Вот как председатель Госплана Кузьмин характеризует положение: «Неправильная ориентация в вопросе топливного баланса заключалась в том, что был взят курс на почти полное исключение из топливного баланса страны нефтяного топлива и перевод к 1960 г. важнейших отраслей промышленности на дорогостоящее твердое топливо... Такое же положение складывалось по газу». Ответственными за это, по заявлению того же Кузьмина, являются Первухин и Сабуров.

В связи с новой «установкой» угольная промышленность вырастет за семилетие только на 21—23%, но зато добыча нефти возрастет в 2 раза и добыча газа в 5 раз, а для передачи газа будет построено 26 тыс. км газопроводов. Удельный вес жидкого и газообразного топлива в топливном балансе страны возрастет с 31% в 1958 г. до 51% в 1965 г. Интересно отметить, что в США уже в 1955 г. доля нефти и газа составляла 62,1% в топливном балансе.

Из всех рассмотренных задач, четвертая важнейшая задача семилетки является наиболее реально выполнимой во всем ее объеме. Здесь есть только несколько небольших проблем, и одна из них — обеспечение черными металлами.

Пятая важнейшая задача семилетнего плана:

« — быстрое развитие электрификации всех отраслей народного хозяйства за счет строительства главным образом крупных тепловых электростанций».

Хотя задача эта стоит как пятая, по масштабам своим и значению она может быть сравнена только с задачей в области химизации промышленности или даже превосходит ее по значимости и объему работ.

Прежде всего нужно отметить, что закон пропорционального развития в области энергетики действовал таким странным образом, что энергетика развивалась без достаточного опережения темпов развития всего хозяйства. За все годы советской власти (к 1958 г.) промышленное производство выросло в 36 раз, а выработка электроэнергии в 100 раз, но зато многие энергоемкие отрасли производства выросли в 200 и более раз.

В то время как в передовых странах Запада темпы роста производства электроэнергии резко превышали темпы роста промышленной продукции, в СССР временами такого превышения вовсе не существовало.

Среднегодовые темпы роста промышленной продукции
и выработка электроэнергии за 1950—1955 гг. (в %/го)

	Промышленная продукция	Электроэнергия
СССР	13,3	13,3
США	4,2	10,0
Англия	3,4	7,1
Франция	6,3	8,5

В результате такого «научного планирования» в области энергетики сложилось нетерпимое положение острой нехватки энергии в основных экономических районах страны.

Однако острая нехватка энергии создает только одну сторону энергетической проблемы. Вторая и не меньшая сторона сложилась в результате того обстоятельства, что до сих пор, за все годы советской власти, из всех капиталовложений в энергетику только 10% от суммарных капиталовложений тратилось на строительство электросетей, «в то время как в США на долю электросетей и распределительных устройств приходилось около 60% всех капиталовложений в электроэнергетику, в Западной Германии — 43%, в Англии — 45%, в Швеции — около 45%». В итоге Советский Союз за 40 лет построил только 100 тыс. км линий высоковольтных передач, что абсолютно недостаточно и сейчас имеются случаи, когда при общей нехватке энергии новые станции не работают на полную мощность, так как они лишены возможности передать вырабатываемую мощность из-за недоразвитости сетей.

Грандиозность просчетов определяет грандиозность задач. Установленная мощность всех электростанций возрастет в 2 раза, или, иначе говоря, нужно построить за 7 лет такие мощности, которые были построены за 40 лет. Выработка электроэнергии увеличится в 2,1—2,2 раза. Протяженность электросетей вырастет более чем в три раза, что потребует строительства более 200 тыс. км новых магистральных передач.

Здесь поднимается главный вопрос — может ли увеличение выработки электроэнергии максимум на 120% решить проблему энергоснабжения промышленности и ликвидировать положение острой нехватки энергии. Иначе говоря — улучшится ли положение по сравнению с сегодняшним критическим положением?

Сделаем такое, хотя и мало возможное допущение, что уровень энерговооруженности за 7 лет в среднем по промышленности не изменится. Тогда 80% прироста выработки энергии пойдет на обеспечение 80% прироста промышленной продукции и останется 40% «свободной» энергии.

Однако только на увеличение выплавки алюминия потребуется 23—25 млрд. квт/час. электроэнергии или 10—11% прироста. Прирост рафинированной меди потребует 5—6% прироста выработки электроэнергии. Не поддаются сколько-нибудь точному учету, но будут огромны, расходы энергии на выплавку магния, титана, циркония и других редких металлов.

При намечаемом производстве волокон в размере около 2,16 млн. тонн на их производство нужно будет затратить около 43 млрд. квт./час. ежегодно или около 18,5% прироста выработки электричества. Не поддается точному учету и необходимый прирост энергии для обеспечения прироста производства синтетического каучука в 3,7 раза, но и здесь речь идет о десятках миллиардов квт./часов, так как на производство только одной тонны искусственного каучука требуется около 150 000 квт./час. электроэнергии.

Таким образом только поддающиеся приблизительному учету, но далеко не все только главные новые статьи расхода электроэнергии съедают 33,5% прироста выработки из 40% «свободных». А ведь многие новые статьи не только не учтены, но даже и не упомянуты. Следовательно, во-первых, даже стопроцентное выполнение программы роста выработки не приведет к улучшению положения в энергоснабжении страны и, если части плана по созданию потребителей энергии будут выполнены, то нехватка электроэнергии будет еще более острой. В то же время — рост электровооруженности — один из главных источников повышения производительности труда, и если электрово-

оруженность не возрастет, то становится под великое сомнение и выполнение семилетки по производительности труда, а через то — и выполнение плана по объему продукции.

Во-вторых, огромные сомнения вызывает возможность выполнения плана в области электрификации вообще. Современное производство генераторов дает около 5 млн. клв. в год, а вводить в строй нужно, учитывая задел, до 13 млн. клв. в год, не считая некоторой части генераторов необходимых для замены старых, выходящих из строя. Примерно такое же положение с турбинами. Но наиболее маловероятно выполнение плана строительства 200 тыс. км сетей. Это гигантский объем работ, требующий миллионов тонн проката, миллионов тонн цемента и сотни тысяч тонн проводов из медных и алюминиевых сплавов, а меди и алюминия нехватает и будет нехватать.

Шестая важнейшая задача семилетнего плана:

« — дальнейшее развитие машиностроения, особенно тяжелого, производства электрических машин и аппаратуры приборов и средств автоматизации как важного условия дальнейшего роста производительности труда».

Задача эта действительно первостепенного, общегосударственного значения, имеющая весьма много аспектов.

Прежде всего в машиностроении и металлообработке СССР царствует технология вчерашнего дня мировой техники — преимущественная обработка металла резанием. Только в машиностроении подобная «передовая» технология приводит к ежегодному «производству» 4,5—5 млн. тонн стружки, на что расходуется около 70% всего труда затрачиваемого в машиностроении. Диктуется эта технология сегодня структурой имеющегося станочного парка, структурой новой станочной продукции и, что наиболее удивительно, планируемой и на новое семилетие старой структурой станочной продукции. Очевидно, что хотя разговоры о новой технологии в машиностроении начались с середины 1955 года, груз старых ошибок и просчетов, груз старой отсталости не дает возможности поставить задачу перевода машиностроения и металлообработки на совершенно новую технологию обработки и доводки точных литых и штампованных заготовок. Кроме того, станочный парк страны очень стар, морально и физически изношен, а темпы замены его таковы, что на смену его в отраслях гражданского машиностроения потребуется около 100 лет.

Вторая важнейшая часть проблемы — точное машиностроение страны, производящее приборы, аппараты и средства авто-

матизации. Здесь «масштабы производства и номенклатура приборов и средств автоматизации в настоящее время явно не соответствует требованиям, которые диктуются нуждами технического прогресса» — пишет «Правда» от 29 октября 1956 г. То же самое повторяет журнал «Вопросы Экономики» № 2 за 1957 год (стр. 13); дословно вторит ему «Плановое Хозяйство» № 8 за 1958 г. (стр. 29, 30, 32) и «Правда» от 18 января 1959 г. (стр. 4). Создание автоматических линий на базе приборов такого класса приводит к тому, что: «Большая часть автоматических линий в машиностроении дает повышение производительности труда в 1,5—2 раза, или на несколько процентов, и снижение себестоимости не более чем на 2—4%. Отдельные автоматические линии оказались совершенно неудачными. Например, себестоимость продукции автоматической линии для производства заготовок напильников вдвое выше, чем аналогичной продукции, выпускаемой вне этой линии».

Таковы некоторые исходные положения для решения задачи «дальнейшего развития машиностроения». Конечно, дальнейший рост машиностроения последует непременно, но его правильнее характеризовать не словом «развитие», что означает здоровый процесс количественных и, главное, качественных изменений, а словом «распухание», когда рост идет преимущественно за счет количества и при пренебрежении и в ущерб качеству. На этом далеко не уедешь!

Седьмая важнейшая задача семилетнего плана:

« — техническая реконструкция железнодорожного транспорта на основе электрификации и широкого внедрения тепловозной тяги».

План намечает решительное вытеснение паровозной тяги электровозной и тепловозной, удельный вес которых подымется с 26% в 1958 г. до 85—87% в 1965 г. Надо считать, что ликвидация технической отсталости в области тяги на советских железных дорогах действительно может произойти, но преимущественно за счет тепловой тяги. Это объясняется тем, что намечаемая электрификация почти 12 тыс. км новых железных дорог выполнена очевидно не будет. К тому есть много причин и прежде всего остается нехватка меди для проводов. Интересно отметить, что план вовсе не предусматривает введения наиболее прогрессивных тягачей — турбовозов.

Намечаемая планом укладка тяжелых рельс на 70 тыс. км (что значит полное переоборудование пути) представляет собой гигантский и в современных условиях Советского Союза недоступный объем работ. Учитывая переустройство станционных

путей, вся работа потребует около 30 млн. тонн металла, около 200 млн. шпал, около 70—80 млн. кубических метров щебня и гигантское количество рабочих рук.

Просматривая и уже указанные, и другие задания в области железнодорожного транспорта, невольно получаешь впечатление, что острота проблем на железнодорожном транспорте прямо пропорциональна желанию устранить их в ключевой, решающей отрасли хозяйства и эта острота желания привела к потере чувства реального. Определенная техническая реконструкция произойдет, но только в таких масштабах, которые так и не выведут железнодорожный транспорт из состояния «узкого места» всей советской экономики.

Особо и несколько отдельно стоит вопрос капитальных вложений в промышленность в течение семилетки. Размер капитальных вложений огромен и они за семилетку почти равны всей сумме капиталовложений за все годы советской власти. Иными словами говоря, Советский Союз должен построить, смонтировать, оснастить, освоить и пустить в работу такие объемы, как за все годы своего существования.

Посмотрим как обстояло дело с капитальным строительством до сих пор. Для этого возьмем один главный показатель — объем незавершенного строительства. «По состоянию на 1 января 1958 г. общий объем капитальных затрат, сосредоточенных в незавершенном строительстве, достигает по всему народному хозяйству свыше 80% годового объема капиталовложений 1958 года. В последние годы прирост объема незавершенного строительства составлял ежегодно 10—15 млрд. руб., а абсолютный объем незавершенного строительства в народном хозяйстве за последние восемь лет увеличился почти вдвое»⁷⁾. Нужно ли доказывать, что за предыдущие восемь лет планы капитального строительства ни разу не были выполнены. Не будут они выполнены и в новой семилетке и более того, — степень невыполнения будет больше, ибо напряжение будет больше, как и хаос, вызванный этим напряжением, а все явления, от которых до сих пор страдало капитальное строительство не только не устранены, но частично усугублены (проектноизыскательское дело в совнархозах).

2. Сельское хозяйство

За последние пять лет, то есть с 1953 года, когда сельское хозяйство находилось в глубочайшей депрессии, в развитии его

⁷⁾ «Вопросы Экономики» № 11 за 1958 г., стр. 39.

достигнуты ощутительные успехи. Будто бы среднегодовой прирост валовой продукции за эти годы составлял 8⁰%. Однако достоверность этого — на совести советского руководства, а это гарантия слабая. Несмотря на все успехи одно только ясно, что даже в 1958 г. из всех сельскохозяйственных продуктов страна обеспечена в достатке только хлебными продуктами, а всего остального в той или иной мере нехватает. Острота нехватки стала меньше, но тем не менее она есть.

Имеющиеся определенные успехи в сельскохозяйственном производстве, что надо со всей силой подчеркнуть, были достигнуты, во-первых, с уровня депрессии, а, во-вторых, путем почти исключительно не качественных, а количественных изменений в различных отраслях сельского хозяйства, — быстро росла посевная площадь, но ничтожно росла урожайность; росло поголовье, но абсолютно ничтожно росла продуктивность животноводства. Все это — абсолютные истины, если только не верить в легкомысленно парадной статистике, а исследовать вопрос во всей его полноте.

Новые грандиозные задачи, выдвигаемые перед сельским хозяйством, не только еще раз подчеркивают истинный, весьма скромный размер современных достижений (Куда же все это будут девать, если и сегодня уже, ох, как много?!), но, — и это самое главное, — решены могут быть только на путях качественных изменений во всех отраслях сельского хозяйства. Так, во всем полеводстве решение заключается в решительном повышении урожайности всех культур; в животноводстве — в таком же решительном подъеме его продуктивности (нагул, откорм, надои, настриг шерсти, приплод и т. д.).

Намечаемые темпы прироста сельскохозяйственной продукции либо равные, либо превосходящие темпы прироста за последние пять лет, уже в свете особенностей развития сельского хозяйства на двух разных этапах, представляются более чем проблематичными. К тому же есть еще одно, крайне существенное соображение, вовсе не говорящее в пользу выполнения плана сельским хозяйством.

Надо согласиться с Хрущевым в том, что обстоятельством, предопределяющим успех, является степень материальной заинтересованности, в данном случае колхозников, в результатах колхозного производства. Если есть возможность определить меру этой заинтересованности и пути ее развития, то появляется возможность оценить и перспективы успехов сельского хозяйства.

Постановление Пленума ЦК КПСС по докладу Хрущева, принятое 19 декабря 1958 г. — «Итоги развития сельского хозяйст-

ва за последние пять лет и задачи дальнейшего увеличения производства сельскохозяйственных продуктов», — между прочими победными реляциями указывает: «Общая сумма натуральной и денежной оплаты за трудодни увеличилась в сопоставимых ценах с 47,5 млрд. руб. в 1952 году до 83,8 млрд. рублей в 1957 году. Реальные доходы колхозников в 1958 году увеличиваются по сравнению с 1952 годом в 1,6 раза».

Проанализируем это откровение. Прежде всего уточним, что речь идет о полном доходе, получаемом колхозниками от колхоза; продукты пересчитаны в деньги (пусть даже по колхозной себестоимости) и к стоимости продуктов добавлены деньги, выданные на трудодни, т. е. сумма-суммарум колхозных доходов.

Сколько же приходилось на одного человека колхозного населения этих жирных колхозных заработков? Если приблизительно принять, что данные на 1955 г. о составе населения остаются верны и для 1952 и для 1957 года (41,2% населения — колхозники), а общее количество населения в стране в 1952 г. — 190 млн., а в 1957 — 203 млн., то получим:

в 1952 году — $47.500 : 190 \times 0,412 = 690$ рублей в год

в 1957 году — $83\,800 : 203 \times 0,412 = 1000$ рублей в год.

1000 рублей — это половина цены шерстяного костюма, или цена 2—3 пар ботинок, или цена 40 кг. мяса, или 250 кг. белого хлеба. Вероятно, не надо доказывать, что это мизерный, нищенский, неслыханно низкий заработок. По подсчету немецкого экономиста в феодальном, нищем Афганистане, семья крестьянина-арендатора имеет доход в 150 немецких марок в месяц и по покупательной способности это в несколько раз больше заработков в колхозах.

Вот он «стимул материальной заинтересованности при социализме», на который уповает Хрущев. «Стимула» нет и спорить о том бессмысленно, как и бессмысленно говорить о «растущем благосостоянии колхозников», ибо нищ и тот, у кого много заплат на штанах (1952 г.), как и тот, у кого их только две или три (1957 г.).

Советское руководство само, вероятно, достаточно хорошо знает существующее положение, но бессильно изменить его. И вот, чтоб обмануть массы колхозного крестьянства, чтоб поманить их пряником предстоящего благополучия, сейчас все чаще и чаще говорят о несостоятельности системы оплаты по трудодням и о переходе на систему денежного авансирования или на чисто денежную оплату. Но все эти разговоры — простое и чистое очковитительство. Из 15 000 колхозов УССР, например, только 200, или 1,34%, имели в 1958 г. систему ежемесячного

авансирования и только несколько из них имели чисто денежную оплату.

Все перестройки сельского хозяйства, в том числе и прошлогодняя, не могут поднять и не поднимут уровня материальной заинтересованности колхозников в труде. А раз так, то и нельзя ожидать качественного изменения этого труда, ведущего к столь необходимым качественным же изменениям в работе всего сельского хозяйства.

Очевидно понимание советским руководством того, что собственно все действительно экономические рычаги в области сельского хозяйства уже использованы, приводит к тому, что Хрущев «со товарищи» уже просто шаманят, юродствуют и кликушествуют вокруг сельского хозяйства. Достаточно просмотреть волну «обязательств», созданную партийными делками уже после съезда, чтобы представить весь размах безответственности заклинаний КПСС-овских шаманов.

Можно очень много приводить и доводов и цифр в подтверждение именно такой характеристики происходящего. Но нет ни времени, ни места, чтобы показать это море фактов, и приведем только один из них, достаточно типичный и достаточно разительный.

В 1965 году в стране должно быть произведено 16 млн. тонн мяса в **убойном весе**, т. е. учитывая вес туши (без внутренностей, головы, кожи и нижней части ног) убитых животных. Государственные закупки мяса в 1965 году должны составить 11,05 млн. тонн в **живом весе**. Убойный вес, в зависимости от типа животных и их откорма, учитывая смешанный состав убиваемого поголовья, составляет 50—55—60% от живого веса. Отсюда — промышленное производство мяса в объеме 6,13 млн. т. и есть **убойный вес** закупленного скота и птицы **живого веса** 11,05 млн. тонн при выходе в 55%.

Как известно, промышленная продукция мяса идет на удовлетворение потребностей городского и промышленного населения и на государственные нужды. Кроме того, население это около 7% потребляемого мяса покупает на колхозном рынке. Следовательно общее потребление мяса всеми категориями населения, кроме колхозников, составит 6,55 млн. тонн, а сами эти категории населения будут составлять в 1965 году около 60% всего населения страны.

По какой же логике, и просто вопреки существующему положению и сложившейся практике, сельское население, «товарищи колхозники», за все годы после коллективизации постоянно

недоедавшие или прямо голодавшие, теперь будут потреблять мяса почти в 2,2 раза больше, чем городское и промышленное население, и, считая средние статистически, больше, чем «лично товарищ Н. С. Хрущев»?

Все это, конечно, вздор! «Чепуха чепух и всяческая чепуха», как говорил Антон Павлович Чехов. На самом деле картина выглядит вот как.

— Давай, давай, нажмись ребята! — Гляди-кся, вот уже хвост Америки виден! Заживем ребята на всю губу! Подбросим к учению марксизма-ленинизма кусочек масла, да подвяжем к нему кусок сала! Да здравствует победа социализма — шаманит Хрущев.

Не так уж важно, что получится, но шаманя, имитируя «энтузиазм колхозного крестьянства», Хрущев подводит под ложь тонкую подпорку правдоподобия. Внутри же, собственным желудком, население сможет оценить имеющиеся и все будущие успехи «социалистического сельского хозяйства», вне зависимости от парадных реляций и статистики. Вполне убежден, что пока еще разыгрываемый козырь «ленинского принципа материальной заинтересованности» будет окончательно отхожен и бит в течение ближайших двух лет. И значительно позже станет ясно, что год 1958 и, может быть, год 1959, будут годами высшего, хрущевского расцвета сельского хозяйства СССР.

3. План, просперити, догнать и перегнать

Невольно возникает вопрос — что же собой представляет в принципе семилетний план, официально возвещенный как план строительства первой стадии коммунизма?

На самом деле коммунизмом, т. е. решительным повышением жизненного стандарта в стране, план даже и не пахнет. Если мы рассмотрим приведенную в самом начале таблицу темпов прироста валовой продукции по группе «А» и группе «Б» и подсчитаем «коэффициент затухания» их, то по группе «А» он составит 1,375, а по группе «Б» — 2,15. Вот как выглядит планово-предусмотренное стремление к благополучию в области промышленного производства: в области сельского хозяйства такое «стремление» просто подменено шаманством.

Если все поставить на свои места, то семилетний план нужно прежде всего назвать **планом исправления ошибок социализма** во всех ведущих, решающих отраслях промышленности. Это исправление не абсолютное, а только посылное при крайне оптимистической, мягко выражаясь, оценке сил.

Кроме того, это даже не план, а контрольные цифры, составленные по принципу «Давай, давай!» и чем больше удастся сорвать, чем больше удастся выжать — тем лучше. Именно эта общая тенденция, явно просматриваемая в плане, привела к тому, что еще ни один советский план не имел такого огромного количества крупных противоречий и неувязок. Наконец, и это тоже весьма заметно, исправляя старые ошибки, план допускает новые крупные ошибки, предусматривает и на эти семь лет развитие техники вчерашнего дня, часто пренебрегая достижениями действительно передовой техники.

Еще одной особенностью нового плана является доселе невиданный разрыв между производственными заданиями и возможностями материально-технического обеспечения их.

Если до сих пор отсебятиной и крайним волюнтаризмом преимущественно отличались планы в области сельского хозяйства, то теперь эти же качества приобрела часть плана по промышленности.

Так уже повелось в советской практике, что не только свои действительные победы они возводят барабанным боем, но и свои провалы прикрывают оглушительной пропагандной трескотней, призванной доказать, что черное есть белое и наоборот. То же случилось и сейчас. Советскому руководству для отвода глаз ошеломленных зрителей показалось нужным не только прокламировать план, как план построения первой фазы коммунизма, но и заявить, что после его выполнения «лагерь социализма» будет производить более половины всей мировой промышленной продукции.

Разберемся в этом вопросе. Первая же попытка в нем разобраться выдвигает ряд дополнительных, весьма недоуменных вопросов. Первый из них — как принимать советские данные о приросте промышленной продукции СССР? Советские официальные данные указывают, что за все годы советской власти промышленная продукция выросла в 36 раз по сравнению с 1913 годом. Определение прироста в 36 раз основано на расчете стоимости продукции, а в основе этой стоимости лежит так называемая «плановая стоимость», которая, как показало специальное совещание по этому вопросу в 1957 г., имеет мало общего с реальной стоимостью, базирующейся на производственной себестоимости. Как взяты паритеты дореволюционного и советского рубля в этих расчетах — тоже неизвестно. Следовательно учет роста по росту стоимости продукции представляет собой дутую цифру.

Если попытаться сравнить абсолютные показатели по основным предметам промышленного производства, то получаем очень пестрые цифры прироста по видам: по черной металлургии — $9\frac{1}{2}$ —13 раз, по станкам — 92 раза, по железнодорожным локомотивам — $2\frac{1}{2}$ раза, цементу — в 21 раз, древесине — 8,7 раза, пиломатериалам — примерно $6\frac{1}{2}$ раз, кирпичу — $9\frac{1}{2}$ раз, хлопчатобумажным тканям — 2,2 раза и т. д. Получить общую цифру или даже порядок ее не представляется возможным.

Существует определенная зависимость между ростом промышленного производства и ростом грузооборота. Так, например, если в 1958 г. промышленная продукция по сравнению с 1940 годом (за 18 лет из 41 года) возросла в 4,24 раза, то грузооборот вырос в 3,3 раза. Если применить эту закономерность на весь период, то можем получить **порядок цифры** фактического роста производства. Это тем более возможно, что взаимозависимость развития и перевозок дана за срок, охватывающий более половины времени индустриального развития СССР, фактически начавшегося с 1929 года. Грузооборот всех видов транспорта в 1913 году составил 114,5 млрд. тонн-километров, а в 1958 году — 1570 млрд. тонн-километров. Тогда прирост промышленной продукции по аналогии с периодом 1940—1958 годов составит в 1958 году к 1913 году

$$1570 : 114,5 \times 4,24 : 3,3 = 17,5 \text{ раза}$$

Конечно, как указано раньше, это только порядок цифры и некоторые изменения ее можно и должно оспаривать, но как она все же далека от 36 раз!

Некая аналогия получается и при определении удельного веса СССР и всех стран «социалистического лагеря» в мировом производстве. Начнем с того, что вообще обращение с цифрами здесь довольно легкомысленное. Так, одни советские источники определяют удельный вес СССР в мировом промышленном производстве на 1940 г. в 7%, а другие, не менее официальные — в 10%. Второй стороной вопроса является то обстоятельство, что доля эта высчитывается в ценностных выражениях и здесь, во-первых, для определения стоимости советской продукции, действуют уже упоминавшиеся «плановые стоимости»; а, во-вторых, эта довольно фантастическая валовая «стоимость» сравнивается с национальным доходом других стран по не менее фантастическому паритету валют: 1 доллар — 4 рубля; одна немецкая марка — 1 рубль.

Наконец, обещание Хрущева производить в «лагере социализма» к 1965 году половину всей мировой промышленной продукции основано и на «благожелательных просчетах» в темпах

развития остального мира. Так, некий Арзуманьян старается доказать⁸⁾, что годовой прирост продукции США составляет только 2⁰%. Тридцатью страницами дальше, другой источник указывает тот же прирост в 4,2⁰%. Угодливый Арзуманьян темпы годового прироста для стран Европы определяет: Англия — 2⁰%, Германия и Франция — 4⁰%. Фактически же страны Европы имеют значительно более высокие темпы прироста. По отдельным видам производства за последние 8 лет Европа имела следующие среднегодовые приросты: по стали — около 8⁰% (СССР — 11⁰%), по электроэнергии — около 11⁰% (СССР — 15,5⁰%), по легковым автомобилям — около 23⁰% (СССР — 8,5⁰%), по грузовикам и автобусам — около 11⁰% (СССР — 3,2⁰%), по цементу около 7⁰% (СССР — около 23⁰%), по нефтепродуктам — около 12⁰% (СССР — около 18⁰%). Фактическое производство мяса, при почти одинаковом количестве населения, в 1958 г. было в два раза больше дутой цифры советского производства. Ко всему этому надо еще добавить, что за последние годы производство свободного мира значительно растет за счет быстрого развития ранее отсталых стран.

Официально считается, что доля СССР в мировом производстве в 1958 г. составляет 20⁰%, но очень приближенная оценка в лучшем случае приведет нас к цифре 11—13⁰%. Если семилетка будет выполнена, что крайне сомнительно, то, может быть, удельный вес СССР в мировом производстве подымется до 17—19⁰%.

Все это очень приближенно. Только большое специальное исследование может привести к более точным цифрам, но не к изменению их порядка.

Вообще, как я в том убежден, Советский Союз не может обогнать свободный мир экономически хотя бы уже потому, что в СССР идет гигантская растрата общественного труда. То, что производит Советский Союз и весь «лагерь социализма» в каждый отдельный момент, есть результат максимального, предельного напряжения, и резервов не остается вовсе. Западный мир только не многим более чем на 50⁰% использует свои производственные мощности и если бы он поставил перед собой или обстоятельства поставили перед ним необходимость производить максимум во что бы то ни стало, в 2—3 года его продукция удвоилась бы.

Все это непреложные истины, когда мы говорим об экономике вообще. Но есть особая отрасль производства, где положение

⁸⁾ «Вопросы Экономики», № 12 за 1958 г.

выглядит иначе. «Президиум ЦК и лично Н. С. Хрущев» — как заявил партийный околодочный надзиратель в науке Курчатов, — «уделяют много внимания развитию атомной энергии». «Лично тов. Н. С. Хрущев» похвастался серийным производством баллистических межконтинентальных ракет.

Здесь они сильны, ибо ни одна страна в мире не может за счет народа и во вред народу бросать такие силы и средства на подготовку войны.

Но для Хрущева и компании заколдованный, порочный круг заключается в том, что жонглируя перед миром этим единственным относительно благополучным участком советского производства, они принуждены бряцание оружием употреблять прежде всего в целях наиболее безболезненного подтягивания поясов на животах советских граждан, призванных, в который уж раз, «героическим трудом повысить обороноспособность нашей Родины», а на самом деле — нести неисчислимые жертвы на алтарь хозяйственной и политической глупости, тупости и бесталанности «вождей» и «лично товарища Н. С. Хрущева».

К. Крылов

XXI СЪЕЗД КПСС И ВОЕННАЯ СТРАТЕГИЯ КРЕМЛЯ

Несмотря на то, что главным вопросом внеочередного XXI съезда КПСС было утверждение семилетнего плана развития экономики СССР, материалы съезда позволяют сделать оценку и выводы не только в отношении внутреннего положения Советского Союза и экономической политики советского правительства, но также и в отношении военной стратегии коммунизма. Политика, экономика и стратегия в советском государстве всегда тесно связаны между собой, влияют друг на друга, причем решающую роль, однако, занимают политические цели кремлевского руководства на международной арене.

Рассматривая вопросы военно-стратегического планирования, как они были поставлены на съезде, мы выделяем три главных аспекта для их анализа и производства выводов — усиление военно-экономического потенциала, его стратегическое размещение и военно-политические планы вовне советского блока.

1. Усиление военно-экономического потенциала

На мировой арене идет экономическое соревнование СССР и США, идет соревнование всей мировой системы социализма с мировой системой капитализма. В результате этого соревнования социалистическая система решительным образом изменит в свою пользу соотношение сил на международной арене. Так говорил Хрущев в своем докладе съезду, объясняя значение преимущественного и быстрого роста тяжелой индустрии, намеченного семилетним планом (1959—1965).

О каком изменении соотношения сил здесь идет речь? Речь идет не только о попытке изменить в свою пользу соотношение политических сил (стремление завоевать популярность политической системе коммунизма), но также попытка изменить в свою пользу соотношение материальных сил.

Уже сама по себе постановка вопроса о необходимости непременно догнать и перегнать США по уровню развития материального производства и изменить таким образом соотношение сил (терминология-то военная!) в пользу коммунизма свиде-

тельствует о том, что задача семилетнего плана выходит далеко за рамки решения только внутренних экономических проблем советского государства. Более того, такая постановка вопроса подтверждает уже давно известное и упорное стремление советских правителей быть сильнее демократического мира в военно-экономическом отношении. Это стремление, собственно говоря, являлось всегда той движущей силой и тем мотивом, который ведет в СССР к более быстрому и непрерывному развитию тяжелой индустрии и военных средств, невзирая на экономическую структуру, потребности и возможности страны, невзирая на соображения экономической рентабельности. Советский Союз находится в постоянном соревновании, в своего рода войне с остальным миром по достижению абсолютного превосходства своего военного потенциала. Эта его позиция непосредственно вытекает из политики и стратегии кремлевских лидеров в международном масштабе.

Еще Ленин считал, что с точки зрения партийной политики создание тяжелой индустрии оправдывается любыми затратами и жертвами¹⁾. При этом развитие тяжелой индустрии советские руководители связывают в первую очередь отнюдь не с задачами и потребностями внутреннего развития страны, а прежде всего со своими интернациональными задачами, с задачами своей внешней политики, о чем они не скрывая излагают в их учении о коммунизме и войнах²⁾. Отсюда их конкретные цели выражаются следующим образом: «Борьба за качественное и количественное военно-техническое превосходство, особенно в авиации, в атомном и термоядерном оружии, в танковой и артиллерийской технике, **борьба за создание мощной и независимой военно-экономической базы на случай войны получает исключительное значение**»³⁾. (Подч. нами. — И. Б.).

В соответствии с этими целями советское правительство вот уже в течение более 30-ти лет ведет неизменную линию на преимущественное развитие тяжелой и военной индустрии. Уже в директивах пленума ЦК партии (октябрь 1927) по составлению первого пятилетнего плана (1928—1933) указывалось, что «необходимо при разработке пятилетнего плана уделить максимальное внимание быстрейшему развитию тех отраслей народного хозяйства вообще и промышленности в частности, на которые

¹⁾ Ленин, Соч., 4-е изд., том 32, стр. 389—390.

²⁾ «Марксизм-ленинизм о войне и армии». Сборник статей. Москва, 1956, стр. 177.

³⁾ Там же, стр. 152.

выпадает главная роль в деле обеспечения обороны и хозяйственной устойчивости страны в военное время». В решениях XVI съезда партии (1930 год) говорилось: «Задачей первостепенной важности является форсированное развитие отраслей промышленности, повышающих обороноспособность Советского Союза». С 1929 по 1941 годы в промышленность СССР было вложено около 200 миллиардов рублей (по нынешним ценам); из этой суммы на тяжелую и военную индустрию приходилось около 170 миллиардов рублей или 85 процентов всех капиталовложений в промышленность⁴).

После войны кремлевское руководство планировало не только восстановление пострадавшего народного хозяйства, но и дальнейшее преимущественное развитие военных и смежных с ними отраслей индустрии. Было приступлено к реорганизации и перевооружению армии и к насыщению ее новыми видами оружия и боевой техники, начались исследования и эксперименты в области создания новейших средств вооруженной борьбы — атомного и водородного оружия. Как сообщает академик Топчиев («Правда», 16 октября 1957 года), сразу после войны в СССР было приступлено и к созданию баллистических и управляемых ракет дальнего действия для военных целей.

Оценивая с военной точки зрения пятый пятилетний план (1950—1955), полковник Козлов писал: «Работники советской военной науки, развивая дальше промышленную технику Советского Союза, создают еще более совершенные образцы военной техники и вооружения... Выполнение пятого пятилетнего плана еще сильнее укрепит экономическую базу активной обороны страны. Этим самым будут созданы все условия для еще большего обеспечения Советской армии первоклассной современной боевой техникой, вооружением и боеприпасами...»⁵). Маршал Василевский в 1955 году писал: «Советские вооруженные силы в послевоенный период далеко шагнули вперед в совершенствовании своей боевой мощи. На основе успехов в развитии народного хозяйства и прежде всего достижений тяжелой промышленности усилиями советского народа достигнуты серьезные успехи в оснащении нашей армии, авиации и флота новой, вполне современной боевой техникой» («Известия», 8 мая 1955 года). По

⁴) Э. Ю. Локшин. Очерк истории промышленности СССР. Москва, 1956, стр. 276.

⁵) Полк. С. Козлов. Вооружение армии — один из постоянно действующих факторов, решающих судьбу войны. Москва, 1954, стр. 17—18.

поводу шестого пятилетнего плана (1956—1960) газета «Красная Звезда» (26 января 1956 года) писала, что успешное решение первоочередных задач шестой пятилетки по дальнейшему мощному развитию тяжелой индустрии необходимо для того, чтобы еще больше усилить базу и ударную силу советских вооруженных сил.

В отношении семилетнего плана Хрущев в своем докладе съезду говорил, что коренная проблема предстоящего семилетия — это проблема максимального выигрыша времени в создании преимуществ над капитализмом в области экономической и военной мощи и в области стратегического положения. Министр обороны СССР маршал Малиновский с своей стороны заявил на съезде: «Нет сомнения, что успешное осуществление семилетнего плана развития народного хозяйства еще больше расширит и укрепит оборонную (читай: военную) базу нашего отечества, позволит оснастить вооруженные силы новейшим вооружением и техникой **в более чем достаточном количестве (!)**» (Подч. нами — И. Б.).

В развитие этих же положений научный сотрудник Госплана СССР Белоусов пишет в «Красной Звезде» за 10 февраля текущего года, что рост производительных сил, намеченный семилетним планом, рассчитан на значительное усиление военной мощи СССР, на развитие новейшего оружия и военной техники и что около 70 процентов всех капиталовложений, выделенных для промышленности, направляется в тяжелую индустрию.

Такова общая характеристика планов преимущественного развития тяжелой промышленности с точки зрения их военного значения, даваемая самими советскими деятелями. Каковы же конкретные тенденции семилетнего плана, дающие представление о его военной структуре и военном значении?

Планом предусматривается значительное увеличение производства черных и цветных металлов — основного сырья для машиностроительной и военной индустрии. При этом характерно, что если рост производства чугуна, стали, проката и железной руды дается в абсолютных выражениях, то рост производства цветных металлов, по ряду которых в СССР имеется еще значительный недостаток и которые имеют особое стратегическое значение, дается только в относительном выражении — продукция цветной металлургии остается засекреченной и является военной и государственной тайной. Между тем, начиная с 1955 года (с июльского пленума ЦК партии) особое внимание обращено на увеличение производства цветных и редких металлов — алюминия, марганца, меди, никеля, свинца, титана, магния

и др. В опубликованных данных семилетнего плана только лишь указывается, что производство алюминия возрастет в 2,8—3 раза, меди — в 1,9 раза, а выпуск других цветных и особенно редких металлов значительно поднимется.

Советская техническая и военная печать постоянно подчеркивает значение этих металлов для военных целей, особенно в танковой, авиационной и атомной промышленности. Даже ведущий партийный журнал «Коммунист» в № 17 за декабрь 1957 года следующим образом излагает необходимость как можно быстрее развития цветной металлургии: «По мере того как идут вперед атомная, электронная, реактивная и другие новые отрасли техники, растет и потребность в новых материалах. В атомной промышленности, кроме урана и тория, представляющих собой ядерное горючее, необходимы в качестве конструкционных материалов цирконий и бериллий. Все больше используются германий и кремний в качестве полупроводников... В электротехнике и радиотехнике расширяется применение нари́нду с вольфрамом и молибденом тантала, ниобия, циркония, селена и других редких металлов. Металлургия и машиностроение для получения легированных сталей, жаропрочных сплавов все шире применяют ниобий, цирконий, бериллий, индий, литий, кобальт, селен, теллур и другие новые материалы. Особое внимание привлекают титан и его сплавы: они дают новые конструкционные материалы, обладающие очень большой удельной прочностью и высокой коррозионной устойчивостью».

Наибольшая часть цветных и редких металлов направляется прежде всего в военные и смежные с нею отрасли промышленности, а также для создания стратегических резервов. Отсюда и жалобы некоторых советских экономистов на то, что в ряде отраслей машиностроения легкие сплавы на основе алюминия применяются очень мало, а сплавы на основе магния и титана еще не применяются вообще⁶⁾. В то же время титан, например, находит широкое применение в советском самолетостроении, ракетной технике, танковой промышленности и судостроении (особенно в строительстве подводного флота⁷⁾).

Значение производства цветных металлов для военной промышленности СССР особо подчеркивается и самими советскими экономистами: «Цветная металлургия СССР играет большую

⁶⁾ «Плановое хозяйство», № 12, декабрь 1958, стр. 44.

⁷⁾ «Современная военная техника», под ред. генерал-майора Московского и инженер-подполковника Асташенкова, Москва, 1956, стр. 269.

роль в развитии металлургии качественных сталей, энергетики, химии, машиностроения, автотракторной, авиационной, судостроительной и оборонной промышленности. Этим определяется и ее значение в дальнейшем укреплении оборонной мощи и всей экономики страны»⁸⁾.

Развитие черной металлургии форсируется в СССР такими быстрыми темпами, что в расчет не принимаются ни материальные и трудовые затраты, ни трудности строительства новых предприятий в необжитых районах, ни их конечная экономическая эффективность для народного хозяйства. Так, многие из намеченных к строительству металлургических предприятий третьей и четвертой металлургических баз в Сибири требуют крупных капиталовложений для создания необходимых условий для их работы — жилища, транспорт, продовольствие, вспомогательные предприятия и т. д., — а также решения проблемы рабочей силы. Например, для выхода к Ангара-Питскому железнорудному бассейну нужно построить железную дорогу протяжением 500 километров, для выхода к Южно-Якутскому угольному бассейну и Алданской руде — железную дорогу длиной около 700 километров и т. д. Притом эти строительства должны вестись на незаселенной и труднодоступной территории. Себестоимость тонн чугуна на большинстве из этих заводов будет выше по сравнению с магнитогорским чугуном от 8 до 44 процентов⁹⁾.

Известно, например, что и вторая металлургическая база СССР — Урало-Кузнецкий комбинат — создавалась не на основании расчетов по ее народнохозяйственной эффективности, а исходя из военных соображений. Известный советский ученый-металлург академик Бардин сообщает, что создание этой базы в начале 30-х годов входило в план военной стратегии. Он признает, что с точки зрения увеличения темпов производства металла и экономической рентабельности нужно было развивать металлургию в районах Донбасса, Приднепровья и Приазовья. Развитие же металлургии в мало освоенных восточных районах, хотя и требует гораздо больших материальных затрат и встречает огромные трудности, создает зато в глубине страны индустриальную базу на случай войны¹⁰⁾. Вследствие такого плани-

⁸⁾ С. Первушин, С. Рачковский и др. Экономика цветной металлургии СССР. Москва, 1956, стр. 24.

⁹⁾ «Правда», 11 сентября 1958 г.

¹⁰⁾ Акад. Бардин. Социалистическая индустриализация СССР и черная металлургия. Академия наук СССР. Москва, 1950, стр. 27.

рования Кузнецкий металлургический комбинат работал на местном угле Кузбасса, но руда привозилась за тысячи километров с Урала. И только теперь, т. е. более 25 лет спустя, в связи с открытием залежей руды в Горной Шории, он на 85 процентов снабжается местной железной рудой.

Чрезвычайно крупные задачи поставлены семилетним планом перед химической промышленностью — ее продукция должна увеличиться в три раза. Должно быть построено вновь или закончено строительством свыше 140 крупных химических предприятий и более 130 предприятий реконструировано. При этом главное внимание обращено на увеличение производства синтетических материалов — синтетического волокна, синтетического каучука и пластмасс, рост производства которых по отдельным видам намечен в 7—14 раз. Между прочим, производство минеральных удобрений намечается увеличить за это время только в три раза.

Решение такими быстрыми темпами перестроить всю химическую промышленность связано с тем, что современное химическое производство является существенной частью военно-экономического потенциала. Синтетические материалы находят широкое применение в тяжелой и военной индустрии и заменяют дорогостоящие и дефицитные в СССР цветные металлы, а также жаропрочные сплавы. Председатель Госплана СССР Кузьмин, обосновывая необходимость быстрого расширения химического производства, говорил, что «многие химические материалы и изделия стали ныне незаменимыми в различных производствах, в частности в реактивной технике, авиации, радиолокации и т. д.» («Правда», 20 декабря 1957). Бывший министр химической промышленности СССР Тихомиров конкретизировал это («Правда», 22 декабря 1957): «Синтетические материалы и пластические массы все больше будут заменять цветные металлы, все шире внедряться в автомобилестроение, самолетостроение, судостроение, электротехнику, радиотехнику, реактивную технику, атомную промышленность и строительное дело».

О потребностях авиационной индустрии в пластмассах говорит, например, тот факт, что в самолете ТУ-104 насчитывается 120 тысяч различных деталей, изготавливаемых из пластмасс и комбинаций пластмасс с другими материалами¹¹⁾.

Важным стратегическим материалом, в котором СССР ощущает большой недостаток, является каучук. В настоящее время 75 процентов производимого в Советском Союзе каучука упо-

¹¹⁾ Акад. Н. Семенов, «Правда», 8 января 1958 г.

требуется для производства авиационных и автомобильных шин¹²⁾. А имея в виду наличие в СССР крупных военно-воздушных сил и полную моторизацию сухопутных войск, можно утверждать, что львиная доля каучука идет для вооруженных сил. Чтобы улучшить положение с запасами каучука, начиная с июльского пленума ЦК КПСС 1955 года, обращается особое внимание на расширение производства синтетического каучука (причем абсолютные цифры роста этого производства оставляются в тайне).

Одновременно изыскиваются способы сократить расход каучука в мирных отраслях народного хозяйства. Это намечается достигнуть, в частности, заменой в автомобильных шинах теплостойкого корда, изготавливаемого ныне из хлопка, на корд из синтетического волокна, что по расчетам Госплана СССР даст возможность сократить расход каучука на изготовление автомашин на 15 процентов¹³⁾.

Фундаментальная перестройка химической индустрии предусматривает такие быстрые темпы, что они не оставляют никакого сомнения в стремлении советского правительства достигнуть в кратчайшие сроки полной автаркии Советского Союза в производстве важнейших стратегических материалов. Необычайно высокие темпы развития химической индустрии при ее значительной нынешней отсталости (как в отношении оборудования, так и в отношении технологии производства) не могут быть выдержаны за счет мобилизации внутренних средств и технических возможностей страны. Поэтому советские планы, как это видно из доклада Хрущева на майском пленуме ЦК КПСС 1958 года, рассчитывают на привлечение помощи иностранных ученых и инженеров, на размещение заказов на химическое оборудование в США, Англии и Западной Германии, а также на использование промышленных мощностей в странах-сателлитах, прежде всего в Польше, Восточной Германии и Чехословакии.

Более того, планируемые закупки оборудования настолько велики, что они не могут быть покрыты встречными советскими поставками, вследствие чего советское правительство пытается получить в США кредиты в несколько миллиардов долларов¹⁴⁾. Когда Микояну во время его пребывания в США в янва-

¹²⁾ Там же.

¹³⁾ Пред. Госплана СССР Кузьмин, «Правда», 20 дек. 1957; доклад Хрущева на майском пленуме ЦК КПСС, «Правда», 10 мая 1958.

¹⁴⁾ Послание Хрущева президенту США Эйзенхауэру от 2-го июня 1958 года.

ре тек. года предложили продавать продовольствие и товары народного потребления, то он категорически отклонил это предложение. Как сообщил помощник Государственного секретаря Диллон (ведший переговоры с Микояном по торговым вопросам), он упорно и «агрессивно» настаивал на предоставлении Советскому Союзу долгосрочных кредитов для закупки промышленного оборудования.

Для расширения производства синтетических продуктов планируется использование в качестве сырья нефть и природный газ, добыча которых увеличивается соответственно в два и пять раз. Увеличение добычи нефти имеет прямое отношение к расширению военно-экономического потенциала и стратегических резервов. Намеченные к постройке нефтепроводы и газопроводы рассчитаны не столько на удовлетворение потребностей населения, сколько (как пишет журнал «Коммунист» в № 17 за 1957 г.) на удовлетворение нужд промышленности, в основном для производства синтетических материалов. А вышецитированный нами академик Семенов пишет, что химическая и нефтяная промышленность будут играть в производстве синтетических материалов такую же роль, какую ныне играют горнорудная и металлургическая промышленность в производстве металла.

Правда, Хрущев заявляет, что синтетические материалы будут использованы также и для выпуска товаров народного потребления. Но никаких данных о количестве выделяемых для этой цели синтетических материалов в советской прессе не приводится и это остается на совести советских руководителей. Во всяком случае потребности населения не являются решающим фактором развития химического производства и они, конечно, нисколько не повлияют на первоочередное обеспечение химической продукцией военного производства.

Отсюда развитие машиностроительной промышленности, намеченное семилетним планом, в частности доведение в 1965 году производства металлорежущих станков до 190—200 тысяч штук и кузнечно-прессового оборудования до 36,2 тысяч единиц (рост в обоих случаях в 1,5 раза), предназначено в первую очередь для снабжения тех отраслей народного хозяйства, которые получают наибольшее развитие, т. е. химической, нефтяной и газовой промышленности, черной и цветной металлургии, а также собственно машиностроительной и военной индустрии. В эти отрасли экономики будут направлены также наиболее прогрессивные из выпускаемых станков и машин.

Военная промышленность СССР имеет в этом отношении полный приоритет. Советские руководители при решении этого

вопроса исходят из того, что моральный износ оборудования и отставание технологии на военных и смежных с ними предприятиях совершенно недопустимы, ибо военные предприятия должны выпускать только новейшие модели оружия и военной техники. В соответствии с этим считается, что «к отраслям, где моральный износ играет особенно большую роль, в первую очередь относятся военная промышленность, авиа- и автомобилестроение и молодая, быстро развивающаяся промышленность средств электроники»¹⁵). Авиаконструктор Микоян свидетельствует, например, что советские авиационные заводы снабжены станками специальной конструкции и оборудованы по последнему слову техники, ибо обычные станки, применявшиеся при постройке самолетов прежних конструкций, теперь уже не пригодны¹⁶). Орган военно-воздушных сил газета «Советская авиация» (26 дек. 1957 г.) в статье о наиболее важных задачах машиностроения пишет, что снабжение тяжелой и военной индустрии современными машинами и оборудованием является неременным условием быстрого роста экономической и военной мощи Советского Союза.

Если же мы обратим внимание на структуру выпуска металлорежущих станков, предусмотренную семилетним планом, то найдем, что удельный вес прогрессивных станков (специальных, агрегатных, автоматов и полуавтоматов) будет составлять к 1965 году только 22,5 процентов, остальные же станки (около 155 тысяч единиц) будут являться малопроизводительными¹⁷). Следовательно, имея в виду принцип первоочередного снабжения военной и тяжелой индустрии прогрессивными станками, можно утверждать, что снабжение легкой и пищевой промышленности, являющейся в СССР наиболее отсталой в техническом отношении отраслью экономики, будет попрежнему очень слабым.

В самом деле, по свидетельству советских экономистов, основная часть предприятий, работающих для технического снабжения текстильной и легкой промышленности, изготавливает только мелкие серии деталей для ремонта машин. Те же немногие машиностроительные заводы, которые выпускают машины для текстильной и легкой промышленности, являются очень

¹⁵) «Вопросы экономики», № 7, июль 1957, стр. 99.

¹⁶) «Советский патриот» (орган ДОСААФ СССР), 18 сентября 1957 года.

¹⁷) «Вопросы экономики», № 1, январь 1959, стр. 128 и 131.

отсталыми в техническом отношении предприятиями — доля устаревшего оборудования в них составляет 80—90 процентов¹⁸⁾).

При таком низком уровне производственно-технической базы легкой промышленности и при таком пренебрежительном отношении к нему со стороны советского руководства нужна будет не одна семилетка для поднятия ее производственных мощностей до уровня, сколько-нибудь отвечающего потребностям населения — советские экономисты считают, что, например, для оснащения текстильной промышленности современным оборудованием потребовалось бы не менее 15—20 лет¹⁹⁾.

Аналогичное положение имеет место и в пищевой промышленности. В стране ощущается большой недостаток мощностей в мясной и молочной отраслях ее и особенно в тех районах страны, где сырьевая база для этих отраслей достаточно высоко развита, как, например, на Украине, в Белоруссии, Молдавии, Московской и Калужской областях, Краснодарском и Ставропольском краях и т. д.²⁰⁾. Недостает холодильников, нового высокопроизводительного оборудования, слаба мощность предприятий. Поэтому, например, промышленная переработка молока в СССР достигла только 38 процентов валового надоя, в то время как в США еще в 1950 году она составляла 50 процентов, во Франции — 52, в Дании — 82²¹⁾. В США производится 3,7 килограмм сыра на душу населения в год, в СССР же — только около 0,7 килограмма²²⁾.

Семилетним планом намечено построить 250 мясоперерабатывающих предприятий, одну тысячу предприятий по переработке молока, 200 консервных заводов. Но при том отношении, которое имеется в планирующих органах СССР к выделению средств, материально-техническому снабжению и размещению этой отрасли народного хозяйства, даже и это количество намеченных к постройке предприятий вряд ли может быть введено в эксплуатацию. Советские экономисты пишут, например, что темпы строительства предприятий пищевой промышленности очень низкие. Так, холодильные предприятия как правило строятся 4—5 лет, Курский мясокомбинат строился 8 лет, молочный комбинат в Останкино под Москвой строится уже 15 лет и т. д. Поэтому рост мощностей пищевой индустрии далеко не

¹⁸⁾ «Плановое хозяйство», № 12, декабрь 1958, стр. 81—82.

¹⁹⁾ «Промышленно-экономическая газета», 7 марта 1958.

²⁰⁾ «Вопросы экономики», № 1, январь 1959, стр. 137.

²¹⁾ Там же, стр. 138.

²²⁾ Там же, стр. 139.

соответствует росту продукции сельского хозяйства. При ежегодном росте заготовок молока в последние годы более чем на 3 миллиона тонн мощности предприятий молочной промышленности увеличились только на 8 тысяч тонн в смену²³⁾.

Большая часть предприятий тяжелой индустрии, которая по характеру своего производства должна была бы поставлять продукцию для дальнейшего развития легкой промышленности и сельского хозяйства, в действительности работает для снабжения вооруженных сил и создания мобилизационных запасов. Например, по сообщениям Центрального Статистического управления СССР, тракторная индустрия выпустила за годы пятой пятилетки (1950—1955) около 1600 тысяч тракторов (в 15-ильном исчислении), а в сельское хозяйство направлено 824 тысячи (в том же исчислении); автомобильная индустрия выпустила за то же время около 1700 тысяч грузовых автомобилей, а в сельское хозяйство направлено только 410 тысяч. Это значит, что выпускаемые тракторы и грузовые автомобили идут преимущественно в промышленность (главным образом в тяжелую и военную), а также в вооруженные силы.

И действительно, полковник Чеботарев пишет, что «создание мощных, маневренных и быстроходных автомобилей, удовлетворяющих требованиям всех родов войск, является одной из важнейших задач, на решение которой сосредоточены усилия работников автомобильной и тракторной промышленности»²⁴⁾. Или, как сообщает «Красная Звезда» от 23 января 1958 года, военная академия тыла и транспорта совместно с проектно-конструкторскими институтами министерства транспортного строительства разрабатывают и строят машины для военно-дорожного строительства и других военных целей. Или, например, в рыбной промышленности ощущается острый недостаток транспортного флота, что приводит к простоям рыболовных судов; нет также сколько-нибудь солидной ремонтной базы, вследствие чего только одна треть нуждающихся в ремонте судов может быть принята для ремонта. Между тем выполнение программы военно-морского строительства имеет явный приоритет. То же самое имеет место и в авиационной, электротехнической, радиотехнической и других отраслях тяжелой индустрии.

Таковы главные тенденции роста материального производства в СССР вообще и семилетнего плана в частности.

²³⁾ Там же, стр. 137—138 и 139.

²⁴⁾ «Марксизм-ленинизм о войне и армии», цитир. выше, стр. 175.

2. Стратегическое размещение производительных сил

Размещение предприятий тяжелой и военной индустрии на территории СССР также подчинено расчетам и соображениям военно-стратегического характера. Эти принципы были положены в основу планирования еще начиная с первых планов индустриализации. Практически это выражается в упорном стремлении перенести центр тяжести важных в военном отношении отраслей экономики в восточные районы страны, а также в тенденции рассредоточения промышленных объектов на как можно большей территории.

В советской экономической литературе эти принципы находят совершенно конкретное изложение и объяснение. Приведем несколько примеров. В книге Э. Локшина «Очерк истории промышленности СССР», изданной в Москве в 1956 году, мы читаем: «С точки зрения обороноспособности страны нерациональность дореволюционного размещения промышленности заключалась в том, что основной массив промышленности был расположен на близком расстоянии от западной границы, что в случае войны создавало серьезную опасность... Коммунистическая партия и советское правительство поставили перед народом задачу в кратчайший исторический срок осуществить серьезные сдвиги в размещении промышленности, рассредоточить ее по территории нашей родины, исходя из социалистических принципов размещения производительных сил и, в частности, из интересов обороноспособности страны».

В другой книге — учебник для студентов вузов²⁵⁾ — даже указывается, что стратегическое размещение промышленности ведется невзирая на экономическую рентабельность и потребность для мирной экономики страны. В частности там сказано: «Оборонные нужды требуют расположения предприятий в глубинных районах, создания относительно рассредоточенных и расположенных в различных частях страны индустриальных баз и предприятий-дублеров. В отдельных случаях, когда требования усиления обороноспособности СССР не совпадают с другими задачами размещения промышленности, **решающее значение имеют требования обороны...**» (Подч. нами — И. Б.).

Если мы возьмем советскую военную печать, то эти принципы излагаются в ней еще более рельефно. Известный военный

²⁵⁾ «Экономика промышленности СССР», учебник под ред. Хромова, Аракеяна и Воробьевой. Академия наук СССР, Москва, 1956.

деятель СССР Тухачевский (в 1937 году расстрелянный и ныне реабилитированный) еще в 1928 году писал: «Вопросы дислокации промышленности получают свое разрешение не только под давлением текущих экономических, но и будущих военных потребностей»²⁶⁾. Как видим, уже тогда стратегия имела свое непосредственное влияние на планирование развития экономики и размещение (дислокацию) промышленных объектов.

В 1957 году Воениздат выпустил книгу полковника (ныне генерал-майор) Лаговского под названием «Стратегия и экономика. Краткий очерк их взаимной связи и взаимного влияния». В этой книге без обиняков заявляется, что «наша экономика, политика и стратегия находятся в неразрывном единстве». В книге указывается, что стратегия решает не только вопросы целесообразного строительства вооруженных сил и их эффективного использования в ходе войны, но и вопросы рационального использования экономического потенциала страны, в частности она рассматривает возможные потребности вооруженных сил в оружии и боевой технике, указывает на необходимость размещения производительных сил в интересах как экономики, так и самой военной стратегии, она участвует в решении проблемы рабочей силы и стратегического сырья, ведет подготовку театров военных действий и использует достижения народного хозяйства для оснащения всех видов войск новыми средствами вооруженной борьбы.

Газета «Красная Звезда» от 22 мая 1958 года в статье «Взаимосвязь стратегии и экономики», давая положительный отзыв на эту книгу, в свою очередь пишет: «В современной войне связь между стратегией и экономикой настолько возросла, что многие вопросы стратегии стали вместе с тем и вопросами экономическими, а разрешение многих экономических вопросов требует мнения стратегии». При этом в статье сообщается, что для военной стратегии не безразлично и состояние и размещение сельскохозяйственного производства. В связи с этим становится понятным такое поспешное и дорогостоящее мероприятие советского правительства как разработка 36 миллионов гектар целинных и залежных земель в восточных районах Советского Союза.

Хрущев в беседе с корреспондентом Юнайтед Пресс Генри Шапиро в ноябре 1957 года говорил, что мы не в пример США рассредоточиваем свою индустрию на нашей территории. Он заявил, что «реорганизация управления промышленностью, которую мы провели, тоже обеспечивает более автономное управле-

²⁶⁾ Больш. Сов. Энцикл., 1-е изд., том 12, стр. 579.

ние промышленностью. Это также улучшает наше стратегическое положение».

С этих позиций советские руководители и осуществляют географическое размещение производительных сил страны. В семилетнем плане особое внимание уделяется дальнейшему ускоренному развитию тяжелой индустрии и разработке природных богатств восточных районов. Конкретное воплощение это находит в следующем:

1) Намечено строительство третьей и четвертой металлургических баз, причем за семилетие должно быть закончено создание третьей базы и произведены подготовительные работы для строительства четвертой базы. Как мы уже видели выше, создание этих баз ведется независимо от величины материальных и трудовых затрат. Одновременно в этих районах быстро расширяется цветная металлургия, имеющая огромное военное значение.

2) Предусматриваются высокие темпы развития нефтяной промышленности, являющейся стратегической базой военной индустрии и вооруженных сил.

3) Чрезвычайно быстрое развитие химического производства — одной из основ военно-экономического потенциала страны. Сырьевой базой для нее будет являться нефтяная и газовая промышленность.

4) Создание крупного машиностроения, включая и производство всех видов военной техники.

5) Мощное развитие энергетики, особенно в Сибири, которая должна обеспечить строительство и производство вышеназванных отраслей тяжелой индустрии, в частности производство электроемких видов продукции, к которым в первую очередь относятся цветные и редкие металлы. Следует заметить, что около 80 процентов всей получаемой в СССР электроэнергии идет на промышленные цели и только 20 процентов — на коммунально-бытовые нужды населения²⁷⁾.

О масштабах ускоренного развития вышеназванных отраслей в восточных районах можно судить по тому, что 40 процентов общего объема капиталовложений, предусмотренных семилетним планом, направляется в эти районы — Урал, Сибирь, Дальний Восток, Казахстан и Среднюю Азию. Удельный вес этих районов в общем производстве страны по важнейшим, имеющим стратегическое значение видам продукции должен в 1965 году составить: по производству чугуна 43 процента, по вы-

²⁷⁾ «Комсомольская правда», 24 мая 1958.

плавке стали 47 процентов, по производству проката 48 процентов, по добыче угля 50 процентов, по производству электроэнергии 46 процентов, по добыче нефти (включая Поволжье) около 90 процентов.

Таким образом, восточные районы превращаются в кузницу и арсенал советских вооруженных сил. Уже во второй мировой войне один только Урал давал 40 процентов всей военной продукции²⁸⁾.

Поспешность разработки природных ресурсов восточных районов характеризуется также и тем обстоятельством, что эта разработка ведется без предварительного создания необходимых условий для работы и жизни людей, занятых в этих районах. В первую очередь создаются индустриальные предприятия и обслуживающее их хозяйство, а не жилые дома, коммунально-бытовые предприятия, продовольственная база, автодороги и т. д.

Так, при быстром росте тяжелой индустрии и городского населения в восточных районах рост промышленной переработки продуктов сельского хозяйства там в наибольшей степени отстает от роста потребностей населения. Например, если уровень промышленной переработки молока на душу населения в целом по СССР принять за 100 процентов, то в Восточной Сибири он составляет 79, в Казахстане и Средней Азии — 58, на Дальнем Востоке — 32. При производстве в среднем по СССР 47 килограмм молока и цельномолочных продуктов в год на душу населения в Поволжье выработка этих продуктов составляет 43 килограмма, на Урале — 42, на Севере — 33, в Восточной Сибири — 28, в Казахстане и Средней Азии — 19,5, на Дальнем Востоке — 15,5. Производство сыра, как мы сообщали выше, составляет в среднем по СССР 0,7 килограмма на душу населения в год, но в Поволжье оно составляет 0,6, в Восточной Сибири — 0,3, на Урале — 0,25, в Казахстане и Средней Азии — 0,1 килограмма²⁹⁾.

Притом, если развитие тяжелой индустрии в восточных районах планируется на длительные сроки (15 и более лет), то, как сообщают советские экономисты, мясная и молочная промышленность не имеет единого плана размещения предприятий на длительный период, что часто приводит к просчетам в проектировании и строительстве этих предприятий³⁰⁾.

²⁸⁾ Н. Вознесенский. Военная экономика СССР в период Отечественной войны. Москва, 1948, стр. 50.

²⁹⁾ «Вопросы экономики», № 1, январь 1959, стр. 138—139.

³⁰⁾ Там же.

Железнодорожная сеть развивается, естественно, в первую очередь для освоения природных богатств на востоке страны и стратегического обеспечения. С этой целью из намеченных к постройке за семь лет 9 тысяч километров железных дорог почти все будут строиться на Урале и в Сибири, в частности 1) для развития третьей металлургической базы, 2) для создания второго выхода из Восточной Сибири в западном направлении, 3) для продолжения Южно-Сибирской магистрали на запад, 4) для создания коммуникации между Южным Уралом, Донбасом и Кавказом (линия Гурьев — Астрахань) и 5) для соединения линии Алма-Ата — Семипалатинск с железной дорогой, идущей в Китай (через Урумчи на Ланьчжоу).

Для электрификации намечено 20 тысяч километров железных дорог, а именно линии, связывающие Москву с Сибирью, Дальним Востоком и Кавказом.

Между тем строительство и развитие железных дорог в промышленных районах, где оно не имеет прямого стратегического значения, откладывается в долгий ящик. Например, по заявлению секретаря Саратовского обкома на съезде, электрификация Поволжской железной дороги, где располагаются четыре крупных гидроэлектростанции и создан крупный комплекс промышленных предприятий, откладывается в Госплане СССР на неопределенное время.

Таковы главные военно-стратегические принципы и расчеты использования природных богатств, развития экономического потенциала и его размещения на территории СССР, положенные в основу семилетнего плана.

3. Военно-политическая стратегия на международной арене

В области внешнеполитической XXI съезд КПСС проходил под знаком массированного военного давления на страны некоммунистического мира. Районами приложения советской политики с позиции силы являются Берлин, Финляндия, страны Ближнего и Среднего Востока, Пакистан.

Хрущев в своем докладе съезду не преминул заявить, что межконтинентальные баллистические ракеты пущены в СССР в серийное производство. Министр обороны маршал Малиновский в своей речи на съезде, а также другие советские маршалы в статьях по случаю дня Советской армии и военно-морского флота 23-го февраля неизменно подчеркивали военную мощь Советского Союза и ударную силу советских войск, имеющих на вооружении все виды современных средств войны. Они осо-

бенно подчеркивали неотвратимость своих ударов ракетным оружием по любому пункту земного шара. Хрущев неоднократно грозил свободному миру большой войной, если он не согласится принять его ультимативные требования в отношении Берлина. Он со свойственной ему грубостью и развязностью заявлял, что советские войска в Восточной Германии находятся там не для того, чтобы играть в шахматы, что страны Западной Европы, а также Турция, Иран и другие могут быть уничтожены в течение первых дней войны.

Все эти угрозы преследуют цель запугать свободные страны, внести разногласия между ними и разрушить их единство в отношении сопротивления агрессивным требованиям Кремля. Показательно, что маршал Малиновский добрую половину своей речи на съезде посвятил НАТО. Он всячески пытался доказать, что НАТО имеет громоздкую структуру, что там допускается много ошибок в стратегическом планировании, что там имеются разногласия между его членами, что, наконец, НАТО это слабая военная организация. Голодной курице просо снится. Конечно, в НАТО имеются ошибки, потому что это первый опыт создания и функционирования такой крупной военной организации; конечно, там имеются и разногласия, потому что это свободный военный союз свободных государств. Но маршал Малиновский не может не видеть, что там нет разногласий по такому главному вопросу как отпор советской агрессии и защита независимости западного мира. В том отношении все члены НАТО едины и их объединенные силы во главе с американским военным потенциалом представляют серьезный барьер для всякого рода авантюр со стороны коммунистического блока.

Если уж говорить о разногласиях, то в Варшавском пакте, созданном и существующем при неограниченном диктате Кремля, их гораздо больше. Причем разногласия там имеют существенный характер. В критический момент истории они приведут к тому, что члены этого пакта откажутся поддерживать антинародную политику и агрессивные планы Кремля.

Советские лидеры угрожают большой войной, потому что это входит в их планы политической экспансии. Маршал Малиновский, например, повторил на съезде известный советский тезис о том, что малые, ограниченные войны в наше время невозможны — они неизбежно приведут к большой войне с применением всех видов современного оружия, а в результате такой войны капиталистический мир будет уничтожен. Но угроза большой войной является лишь запугиванием западных держав не начинать локальных вооруженных конфликтов с Советским Союзом

и не вмешиваться в таковые, если они начаты Советским Союзом с третьими, слабыми в экономическом и военном отношении странами. В таких локальных конфликтах и гражданских войнах коммунизм имеет большой опыт, который он намеревается применять и в будущем.

Советские угрозы превратить всякую войну в войну тотальную и всеобщую рассчитаны на то, что западные союзники будут всячески стараться помешать этому и для этого будут идти на компромиссы и уступки во всех требованиях Москвы, а это в свою очередь будет подрывать систему оборонительных пактов и стратегические преимущества свободного мира.

Можно, однако, не сомневаться, что Хрущев, несмотря на все его грубые и тяжеловесные угрозы начать большую войну, конечно, не хочет уничтожения в ней Советского Союза. Советский Союз ему нужен для ведения большой войны нервов. При помощи такой войны он надеется отвоевать у Запада позицию за позицией и улучшать свое общее стратегическое положение.

Поэтому лидеры Советского Союза и не идут на соглашение о контроле над вооружением и испытаниями атомного оружия. На XXI съезде КПСС Хрущев заявил, что мы не можем позволить международным контрольным комиссиям, в которых мы не имеем права вето, инспектировать нашу территорию — это было бы выдачей наших военных секретов иностранным разведкам. Он не соглашается на контроль, хотя последний мыслится как двухсторонний, т. е. международные контрольные комиссии, в которых будут находиться и представители стран советского блока, будут подвергать инспекции и территории других великих держав.

Собака здесь зарыта в том, что в Кремле не хотят вообще допустить такого положения, при котором (в частности через контрольные комиссии) Западу могли бы стать известными какие-либо военные секреты или стало бы известным, в какой военной технике он отстает. Для Кремля это означало бы потерю его единственной козырной карты, при помощи которой он создает в мире напряженное положение, оказывает давление на свободные страны и шантажирует мир.

Большую авантюру и напряжение вокруг Берлина Хрущев создал для того, чтобы навязать Западу такое решение германского вопроса, которое образовало бы в Западной Европе политический и военный вакуум. Это стремление ясно видно из советских проектов мирного договора с Германией. Создание такого вакуума давало бы возможность Советскому Союзу и его всевозможной агентуре свободу действий на европейском конти-

ненте, создавало бы огромные стратегические преимущества перед свободным миром, в частности перед Соединенными Штатами.

Или угрозы по адресу членов Багдадского пакта Пакистана, Турции, а особенно Ирана, который отклонил советское предложение продлить договор о «дружбе и ненападении». Советское правительство настаивало на том, чтобы в новом соглашении между Ираном и СССР, последнему попрежнему было бы предоставлено право ввода своих войск на территорию Ирана в тех случаях, когда по мнению советского правительства в Иране создается угрожающее для СССР положение, т. е. иначе говоря, было бы предоставлено право вмешиваться во внутренние дела своего соседа. Но Иран имеет уже печальный опыт такого соглашения с СССР, когда советское правительство, введя в начале войны с Германией (в 1941 году) свои войска в северный Иран и развив там активную коммунистическую деятельность, отказалось вывести их после войны. Только под угрозой постановки этого вопроса перед Организацией Объединенных Наций Кремль в конце 1946 года вывел войска из Ирана.

Угрожая ныне Ирану за отказ подписать новое подобное соглашение, советские лидеры в открытой форме заявляют, что шаха Ирана ожидает судьба иракского короля Фейзала («Правда», 14 февраля 1959). Советские лидеры признают себя таким образом мастерами организации уличной толпы, заговоров, путчей и переворотов, при помощи которых они могут ловить рыбу в мутной воде.

В этом отношении типичной тактикой Кремля является двойная игра с арабским национальным движением на Ближнем и Среднем Востоке. С одной стороны, это движение поддерживается (морально и материально, вплоть до поставки оружия), поскольку оно направлено против западных держав. С другой стороны, Кремль ведет активнейшую работу против объединения арабского мира, против укрепления его независимости от Советского Союза. Уже объединение Египта с Сирией и образование Объединенной Арабской республики вызвало в Кремле недовольство. А когда произошел переворот в Ираке и появилась реальная возможность его присоединения (с его богатыми нефтяными источниками) к Объединенной Арабской республике, то из Советского Союза в Ирак были направлены агенты, оружие и лозунги, имеющие цель во что бы то ни стало предотвратить эту акцию.

Свою подрывную деятельность против объединения арабов кремлевские лидеры базируют на шантаже мусульманских ре-

лигиозных течений и на использовании противоречий между мусульманами и курдами. Дело в том, что незначительное большинство населения Ирака принадлежит к мусульманскому религиозному течению шиитов, которые тяготеют к Ирану (где религия шиитов является общенациональной) и не хотят растворяться среди мусульман Египта, принадлежащих к религиозному течению суннитов. Наоборот, сунниты Ирака желали бы присоединения к Египту. Советская агентура поддерживает шиитов против суннитов, демагогически разжигая их отталкивание от Египта. Одновременно мобилизуются и курды — горная народность неарабского происхождения, — живущие на смежных территориях Ирака, Турции, Сирии и Ирана. Советская пропаганда возбуждает их мечты об образовании «независимого Курдистана».

Для обеспечения этой двойной игры (поддерживание арабского национального движения поскольку оно выгодно Кремлю для вытеснения влияния западных держав и одновременно разжигание противоречий между народами арабских стран поскольку единый и независимый арабский мир невыгоден Кремлю) из Советского Союза в Ирак направлены: руководитель компартии Сирии Халид Багдаш и национальный лидер курдов Мустафа Баразани.

Халид Багдаш покинул Сирию после ее объединения с Египтом, когда компартия там была запрещена Нассером. Сейчас Багдаш вернулся в Ирак с советскими инструкциями помешать сближению Ирака с Египтом. Коммунистическая печать Ирака выступает с лозунгом борьбы «истинного и свободного арабского национализма» против «буржуазного национализма» Нассера. Вождь курдов Мустафа Баразани, сотрудничавший в Иране с советскими властями во время пребывания там советских войск и бывший тогда командующим курдской армии, бежал в 1948 году от иранского суда в СССР, где получил звание генерала. Теперь он обосновал свою резиденцию в Багдаде и выступает вместе с коммунистами Ирака за премьер-министра Касема против Нассера, являясь в руках советской агентуры потенциальным противником Касема, если тот посмеет ориентироваться на Египет.

Одновременно с этим Советский Союз предоставляет Ираку материальную помощь, пока главным образом оружием, вплоть до новейших танков Т-54 так же, как он в свое время вооружал Египет танками, самолетами, подводными лодками и другой военной техникой.

Египет получает от Советского Союза и сейчас крупную экономическую помощь, ибо в планы Кремля входит удержание

Нассера от сближения его с некоммунистическими странами и усиление его зависимости от СССР. Поэтому стремление Нассера играть между Западом и советским блоком независимую, нейтральную роль встречает в Кремле открытое сопротивление. Еще в мае прошлого года во время пребывания Нассера в Москве Хрущев говорил, что дружественные отношения между СССР и Египтом зародились на основе экономического сотрудничества и взаимного признания суверенитета и невмешательства во внутренние дела друг друга («Правда», 16 мая 1958). Но на съезде он резко выступил по адресу Нассера, обвиняя его в том, что он в своей стране ведет борьбу против деятельности коммунистов, которая, по заявлению Хрущева, направлена якобы на защиту интересов арабских народов, а в действительности, как это правильно оценивает и Нассер, направлена на подрыв и разложение арабского мира в соответствии с испытанным Кремлем принципом «разделяй и властвуй».

Коммунистическая стратегия завоевания и подчинения себе стран и народов основывается не только на грубой военной силе, но и на использовании национальных, социальных, религиозных и других движений, которые никакого отношения к коммунизму не имеют. Доброму вору все в пору. Это использование различных народных движений и противоречий для установления своего влияния и в конечном счете власти, после чего уже никаких движений не допускается, классически демонстрируется нынешней политикой Кремля и деятельностью его агентуры на Ближнем и Среднем Востоке.

Такая стратегия требует не только соответствующей пропаганды, но и материальных (экономических, технических и военных) расходов. Поэтому также и для этого советским лидерам необходимо всемерное увеличение экономического потенциала СССР. Экономическая мощь СССР должна демонстрировать слаборазвитым странам его авторитет и влияние в международной политике и являться базой торговой, экономической войны с западными державами за влияние на слаборазвитые в экономическом отношении страны, о чем Хрущев и заявлял в своих выступлениях на съезде. Это еще лишний раз иллюстрирует тезис коммунизма, который мы цитировали в начале нашего анализа, что развитие в СССР тяжелой индустрии связывается в первую очередь с интернациональными задачами коммунизма.

В заключение следует остановиться на том, как Хрущев и его товарищи относятся к ими же выдвинутому и навязчиво пропагандируемому лозунгу мирного сосуществования. Предметным уроком, особенно для малых стран, явилось грубое вмешательство во внутренние дела Финляндии. Когда летом прош-

лого года после правительственного кризиса социал-демократ Фагерхольм образовал коалиционное правительство, в которое вошли все партии за исключением коммунистов, Кремль тотчас же реагировал по принципу сильного — «не потерплю!» Он отозвал своего посла из Хельсинки, приостановил закупку финских товаров, игнорируя торговый договор, отказался вести переговоры по заключению нового торгового договора на 1959 год, наконец, отказался вести переговоры по заключению нового договора о рыболовстве.

Несколько месяцев Финляндия находилась таким образом под экономическим и политическим давлением со стороны Кремля. Вызванные этим давлением хозяйственная неустойчивость и безработица в стране вынудили правительство Фагерхольма уйти в отставку, и на его место пришло правительство парламентского меньшинства во главе с руководителем крестьянской партии Суоксалайненом, против которого Никита Хрущев возражений не имел. Он тотчас же снял блокаду Финляндии. На другой же день после образования нового правительства президент Финляндии Кекконен получил приглашение прибыть в Ленинград. Туда же поспешил и Хрущев. В течение одного дня было решено о назначении нового советского посла в Хельсинки, о подписании соглашения о рыболовстве, о возобновлении торговли и о подписании нового торгового договора. По команде из Кремля Восточная Германия и Чехословакия также заявили, что они готовы принять у себя финляндскую делегацию для ведения переговоров на предмет заключения новых торговых договоров.

В ходе переговоров с финляндским президентом Кекконеном и на банкете, данном в его честь 23-го января сего года в Ленинграде, Хрущев недвусмысленно дал понять, что он признает только такое мирное сосуществование с нейтральными государствами, когда эти последние даже в своих внутренних делах придерживаются той линии, которая желательна Кремлю.

Таковы главные концепции военно-политической стратегии Кремля в международных отношениях. Как подтверждают сами советские военные деятели³¹⁾, «военная стратегия — активный сотрудник политики, порой весьма существенно влияющий на ее развитие; особенно тесна взаимосвязь военной стратегии с внешней политикой».

И. Бариц

³¹⁾ См., например, статью ген.-майора Таленского «Вопросы военной стратегии и внешней политика», журнал «Международная жизнь», № 3, 1958, стр. 38.

НАРОД И СЕМИЛЕТНИЙ ПЛАН

Семилетний план развития экономики СССР можно и должно рассматривать в разных аспектах. Но, пожалуй, наиболее животрепещущим аспектом явится тот, в котором этот план будет рассмотрен с точки зрения интересов рядового советского гражданина-труженика. Попытаемся же это сделать хотя бы в самых общих чертах.

Семилетний план, как известно, был составлен и утвержден без какого бы то ни было спроса у народа или совета с ним. Была устроена лишь инсценировка «всенародного обсуждения». И об этом неоспоримо свидетельствует хотя бы тот факт, что в ходе этого «обсуждения», — в котором, по сообщениям советской печати, участвовало свыше 70 миллионов человек, — не прозвучало ни одного возражения, не было также ни требований, ни пожеланий, касающихся сути этого семилетнего плана. И дело здесь не столько в том, что советская печать, может быть, умолчала об отдельных возражениях или могла о них умолчать, сколько в том, что участники этой инсценировки прекрасно понимали бесполезность, и, главное, личный риск, связанный с такого рода возражениями.

Представьте себе советского труженика, который, возмнив, что ЦК КПСС и впрямь пригласило его на всамделишное обсуждение семилетнего плана, заявил бы, примерно, следующее: «Вот вы, дорогие партийные товарищи, снова толкуете, что главное в нашей жизни — развитие тяжелой индустрии. Так ведь и при Сталине об этом толковали и развивали ее, что есть мочи, а жизнь для нас, трудящихся, очень уж тяжела была. Так, может, хоть теперь пора объявить главным производство предметов народного потребления?»

Можно не сомневаться, что после такого выступления его автору пришили бы «антисоветскую пропаганду» с более или менее тяжелыми для него последствиями.

Вопрос об объеме и темпах развития тяжелой индустрии — это основной и, можно сказать, проклятый вопрос не только теперешней семилетки, но и всех предыдущих пятилеток, начиная с конца двадцатых годов.

Напомним также, что обнародование плана каждой очередной пятилетки всегда сопровождалось обещаниями «повысить уровень народного благосостояния путем индустриализации». Больше того: еще в тридцатых годах Сталин объявил, что «жить стало лучше, жить стало веселее». И это повторялось на все лады вольными и невольными трубадурами Сталина, хотя еще совсем были свежи могилы или просто ямы, в которых лежали погибшие от голода хлеборобы Украины, Кубани и других плодороднейших мест России.

«Жить стало лучше, жить стало веселее!» И вот теперь Хрущев прямо перекликается со Сталиным, говоря в докладе на XXI съезде КПСС: «В современных условиях, когда в нашей стране созданы и успешно развиваются мощная промышленность и крупное сельское хозяйство, имеются все условия для того, чтобы в ближайшее время советский народ стал жить еще лучше...»

«Еще лучше...» Значит, Хрущев считает, что народ этот уже живет хорошо. И это сказано, не взирая на свидетельства даже самой советской печати о систематической нехватке в СССР продуктов и товаров первой необходимости; о массовом нищенстве; о беспросветном жилищном кризисе и т. д. и т. п. Свидетельства эти, конечно, далеко не полны и появляются они гораздо реже, чем того требует жизненная правда. К тому же их препарируют так, чтобы оглашенные факты выглядели как случайные пятнышки на общем светлом фоне.

И все же время от времени оглашается такое, от чего становится жутко, чему трудно поверить. Прочтешь и думаешь: «Да неужели же и теперь возможна такая жуть?»

Вот, например, сцена из новейшего произведения Федора Панферова «Раздумье» — писателя-коммуниста, которого уж никак нельзя заподозрить в намерении «очернить советскую действительность».

То, что сейчас будет процитировано, относится к совсем недавнему времени: примерно к 1957 году. Новый секретарь какого-то приволжского обкома (очевидно, Сталинградского), — «хрущевец» Аким Морев, сменивший «маленковца» Малинова, проезжая предрассветной степью, напряженно думал о том, как «в течение двух-трех лет создать изобилие продуктов».

И вдруг: «...услышал, как чуть в стороне, в овраге, что-то шуршало, иногда очень тихо, словно ветер перегонял сухой лист, а иногда с треском, будто проходила отара овец. Но странно, среди этого непонятного шороха нет-нет да и слышались то бле-

яние козы, то лай собаки, а иногда и приглушенный плач ребенка.

«Что это? Галлюцинация? Этого еще не хватает!» — подумал Аким Морев, но шорох в овраге усилился: уже отчетливо стал слышен людской говор, топот ног, блеяние коз, лай собак.

«Да нет, это уже не чудится», — решил Аким Морев и, отойдя от потухшего костра, направился к оврагу и тут увидел навеки поразившую его картину.

По тропам оврага, видимо, сухого русла рукава Дона, шли люди, неся на плечах узлы, из которых торчали ухваты, сковородки, чайники. У иных женщин на руках грудные младенцы, иные на веревочках ведут коз, а за родителями семянят босонogie ребятишки, подергивая худыми плечиками: на заре зябко.

Да. Да. Идут оврагом, а ведь за его ребрами просторные, ровные, как стол, степи. Нет. Идут не большой дорогой, а украдкой, как будто удирают от чего-то такого гадкого, свершенного ими же, после чего стыдно людям смотреть в глаза. Да и глаза. Они вовсе не злые. В них нет ненависти. Каждый идущий, взрослый и малый, поравнявшись с кустом, поворачивает голову и смотрит на Акима Мореву раздумчиво, как бы говоря:

«Зачем это?»

«Кому это надо?»

«Во имя чего нас оторвали от родных мест?»

И Аким Морев, ринувшись с обрыва в овраг, крикнул:

— Куда это вы?

Люди приостановились, а те, кто уже прошел дальше, повернулись.

— Куда это вы? — повторил Аким Морев. — И откуда?

А тебе чего, мил или зол человек? — Из толпы выделился старик крупного телосложения и, опершись на суковатую палку, встал перед Акимом Моревым. — Паспорта? Нет их у нас. А куда идем? К нашим братьям — рабочим. Автомобили они мастеры... для вас... А мы привычны... пешочком.

— Ну, а что тебе от нас?

— Я секретарь обкома Морев. Ваш слуга.

— А-а-а! — понеслось из толпы, а когда гул смолк, старик сказал:

— Вон кто! А мы из «Партизана»... да по дороге еще кое-кого из соседних колхозов прихватили...

Такова картина, нарисованная писателем Панферовым, — картина безоглядного бегства отчаявшихся колхозников в город — в надежде, что, может быть, хоть в городе им удастся обрести более сносную жизнь, став рабочим, точнее — чернорабочим. Что это — единичный случай или беспочвенная фантазия писателя? Нет. Это в известной мере типическое для советской действительности явление. В противном случае эта картина не появилась бы на страницах советского журнала. Но выставляя эту картину для всеобщего обозрения, писатель Панферов как бы говорит: «Вот наследие Маленкова. А теперь, при Хрущеве, такого не будет...»

Будет! Как не быть? Ведь **дело-то здесь не** в личностях, а в системе, от которой эти «руководящие личности» никуда не уйдут да и уходить не хотят.

Но вернемся снова к «картинкам» народной жизни сегодняшнего дня и процитируем уже не писателя, а очеркиста, то есть познакомимся с зарисовкой с натуры в полном и совершенно точном смысле этого слова. В журнале «Октябрь» (№ 1, 1959 г.) был напечатан очерк В. Величко, в котором рассказывается о новоузенском колхозе имени XVIII партсъезда. Так вот, глаз очеркиста заметил в деревне Запорожец такую картину...

«... Селение из нескольких мазанок и землянок, заброшенное и убогое. И помину не было о каком-нибудь благоустройстве: все разгорожено, открыто ветрам. Со степи прямо прошли в избу... Бесхозяйственно и неопрятно: детишки — их двое — еле одеты, а старший сидит на печке без штанишек: выстираны и пока сохнут на улице...»

Такова «зарисовка с натуры». И вряд ли кто будет сомневаться, что у этих детишек — много, слишком много товарищей по несчастью, сидящих без штанишек в самом преддверии коммунизма.

А Хрущев, видя перед собою целое бескрайнее море народных слез, нужды и отчаяния, все же определяет народную жизнь как хорошую и сулит, что вот-вот она станет «еще лучше».

Так вот, напомнив об **исходных** позициях очередного плана «быстрого подъема народного благосостояния», перейдем теперь хотя бы к схематическому определению перспектив семилетки с точки зрения личных интересов тех, кто ждет не дожидается уже много раз обещанного «изобилия продуктов и товаров». Обратимся к конкретным наметкам семилетнего плана в разделе «Рост благосостояния советского народа».

Вот они: реальные доходы рабочих, служащих и колхозников должны повыситься за семилетие на 40 процентов; за тот же

период объем народного потребления должен увеличиться на 60—63 процента. Таким образом, в поисках какого-то среднего коэффициента улучшения материального благосостояния советского труженика, можно, пожалуй, остановиться на 50 процентах. То есть предположить, что, в случае успешного выполнения семилетнего плана, такой труженик станет материально жить на 50 процентов лучше, чем живет теперь. Иными словами, он сможет потреблять и иметь еще половину того, что **сегодня** потребляет и имеет.

Конечно, это прибавка немалая. Но ведь поскольку и тогда сохранится неравенство в бюджетах различных слоев населения, постольку и прибавка эта ощутится по-разному: в зависимости от того, к **какому** бюджету прибавится его половина (к бюджету, например, тех, кого встретил в овраге Аким Морев, или к бюджету, скажем, самого Акима Морева).

В первом случае прибавка может выразиться в том, что колхозники получат, вместо 100 граммов зерна на трудодень, 150 граммов, во втором — в превращении домашней «полной чашки» секретаря обкома в чашу переполненную.

Основной экономической задачей семилетнего плана объявлена задача — догнать или даже перегнать Соединенные Штаты Америки по выпуску валовой продукции и производству на душу населения. Это особенно подчеркивается, когда речь идет о товарах народного потребления и продуктов питания. Но характерно, что в семилетнем плане нет ни слова о том, чтобы «догнать и перегнать» США по **потреблению** на душу населения.

А разница здесь весьма существенна: одно дело — уровень производства какой-либо продукции внутри той или иной страны и другое — уровень потребления. Так, например, по официальным советским данным, в СССР производится сахара **уже** больше, чем в США — и вообще, и на душу населения. И тем не менее советская же печать признает тот факт, что в США на душу населения потребление сахара значительно выше, чем в СССР. И сообщает к тому же о фактах спекуляции сахаром в Советском Союзе, а спекуляция — верный признак нехватки товара на рынке. В чем же дело? Да только в том, что потребление на душу определяется не уровнем отечественного производства, а наличием в стране продукции (хотя бы даже целиком импортной), и главное — спросом и покупательной способностью населения.

В конечном счете, для потребителя не так уж важно, потребляет ли он отечественный или импортный продукт: потребитель интересуется в первую очередь цена и качество продукта.

Так что осуществление лозунга «догнать и перегнать», — заимствованного, кстати говоря, из ранних сталинских времен, — отнюдь не будет означать, что трудящиеся Советского Союза сравниваются по потреблению на душу с трудящимися Америки или превзойдут их в этом деле.

Не исключена и такая возможность: в случае неудачи с выполнением плана его авторы прибегнут к фальсификации данных, то есть преднамеренно завысят показатели выполнения. Ведь сам же Хрущев рассказал о махинациях с данными урожая в Советском Союзе, которые творил Маленков будто бы единолично, — по собственной инициативе. Да, такое могло случиться, потому что люди, подобные тогдашнему Маленкову, в СССР никому не подотчетны, кроме ЦК КПСС, а это — «своя компания». Но вот Маленков сошел со сцены, вместо него появился Хрущев, а условия, позволяющие вождям фальсифицировать статистику, остались прежними. Так почему бы и Хрущеву не заняться, в случае надобности, статистическими махинациями? Совесть не позволит? Вряд ли. Она ему и не то еще позволяла.

И, наконец, последнее: о той цене, которую уплатят рядовые советские граждане за осуществление новых планов индустриализации. В том числе — за получение 50 процентов прибавки к своим теперешним доходам. Цена эта окажется страшной и вот почему...

Ведь известно, что, как правило, индустриальные гиганты воздвигаются в Советском Союзе в чрезвычайно тяжелых для рабочих условиях. Это — перебои в снабжении питанием и одеждой, неустроенность жилья, чрезмерно напряженный труд — при любой погоде, — зачастую на открытых площадках при жесточайших морозах.

Таким образом рабочие, завербованные на эти стройки не мытьем, так катаньем, нередко теряют там свое здоровье, становятся инвалидами, а то и погибают. Но это — лишь одна сторона вопроса, — к тому же достаточно известная. Что же касается другой, то она тоже известна, однако о ней почему-то вспоминают гораздо реже и не придают ей должного значения.

Речь идет о моральных травмах, получаемых рабочими, — главным образом молодежью, — в результате ненормального быта на таких объектах, как отдаленные стройки, целина и т. п.

Ведь известно, что даже взрослые рабочие, не говоря уже о зеленой молодежи, оказавшись вдали от семьи и родных мест, нередко ищут утешения в вине и прочих сомнительных развле-

чениях. Людей доводит до этого бытовая неустроенность, монотонность существования в местах, которые партийное начальство не считает нужным подготовить к приему строителей: доскаты, пусть сами устраиваются на новом месте.

Проиллюстрировать все это можно хотя бы таким примером, заимствованным из советского журнала «Юность» (№ 1, 1959 г.). Описывая быт молодых «целинников», автор этого описания, Михаил Пахомов, свидетельствует:

«В бараках с утра до ночи в карты дуются... Вчера один паренек сапоги проиграл. Раздели его до догола...»

«Клава вся в слезах. Ей проходу не дают. Да и другим девчатам...»

«Есть деньги, а потратить их не на что. Даже в баню приходится ехать за 60 километров... Повесишь возле печки брезентовый плащ, а он не высыхает до утра... Тоска!...»

Такова обстановка на целине, характерная также вообще для всех необжитых мест, куда гнали молодежь сотнями тысяч, а теперь собираются гнать миллионами.

И в советской периодической печати, и в советской литературе появилось уже немало подобных свидетельств о человеческих трагедиях на «стройках Сибири», на целине и т. п. Об этих же трагедиях рассказывают, в частности, новейшие эмигранты, наблюдавшие их своими глазами.

Теперешний «новый этап великих строек» повлечет за собою новые неисчислимые жертвы физического и морального порядка. Разрушение семьи и вообще исконных моральных устоев народа примет, еще более катастрофический оборот. Будем, однако, надеяться, что сопротивление этим экспериментам, заметное уже сейчас, примет со временем более решительные формы; и что в результате этого цена, которую должен уплатить народ за реализацию очередных партийных планов, одобренных посулами «близкого изобилия товаров и продуктов», не окажется столь страшной, как это представляется теперь.

Скорее можно вообразить, что в результате семилетки в небо будут вылетать стаями советские «спутники» и космические ракеты; скорее можно представить себе, что у каждого колхо-

за будет свое море, чем представить, что наконец-то советский гражданин дождется, казалось бы, совсем простого по сравнению с техническими «чудесами» изобилия товаров и продуктов. А вот поди ж ты! «Основа благополучия советского человека» — техника — давно уже есть, да на основе на этой благополучие никак не вырастает!.. Потому что, как показала жизнь, ограбленная и бесправная личность труженика — постоянный признак коммунистического режима.

Ю. Терновский

О Г Л А В Л Е Н И Е

	Стр.
А. Гаев. Значение XXI съезда КПСС	3
А. Авторханов. Политика на XXI съезде КПСС . .	5
К. Крылов. Семилетний план развития Советского Союза	27
И. Барниц. XXI съезд КПСС и военная стратегия Кремля	48
Ю. Терновский. Народ и семилетний план	71

